

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

НЕ ДАТЬ
СМЕРТИ УЙТИ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Не дать смерти уйти

«Автор»

2007

Самаров С. В.

Не дать смерти уйти / С. В. Самаров — «Автор»,
2007 — (Спецназ ГРУ)

Затерянное в чеченских горах село – перевалочный пункт для страшного химического оружия, способного вмиг унести жизни миллионов граждан. Туда стекаются террористические группировки со всего мира, чтобы в зловещем аукционе выкупить отраву. ГРУ плотно контролирует банды, используя агентурную сеть и спецназ. Неожиданно выясняется, что существует и второй канал поставки оружия. Необходимо как-то выйти на него, поэтому уничтожение бандитов преждевременно. Перед спецназом ставится сложнейшая задача – не упустить подготовленных и хорошо экипированных головорезов и захватить обе партии смертоносного вещества. Иначе трагедии не избежать.

© Самаров С. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

ПРОЛОГ	5
1	5
2	7
3	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	14
ГЛАВА 1	14
1. МАЙОР ВИКТОР БОБРЫНИН, СПЕЦНАЗ ВДВ	14
2. ЛЕЙТЕНАНТ СЕРГЕЙ ДИМКА, СПЕЦНАЗ ВДВ	19
ГЛАВА 2	25
1. ПОДПОЛКОВНИК АЛЕКСАНДР РАЗИН, СПЕЦНАЗ ГРУ	25
2. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ВДВ АЛЕКСАНДР БОБРЫНИН	30
ГЛАВА 3	35
1. МАЙОР ВИКТОР БОБРЫНИН, СПЕЦНАЗ ВДВ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Самаров

Не дать смерти уйти

ПРОЛОГ

1

Начало осени в Дагестане считается самым лучшим временем года. Конечно, у каждого человека свой вкус, но начало осени любят все... Некоторые говорят, это потому, что в это время в городах спелыми яблоками пахнет... Идешь по улице, кажется, и яблони поблизости ни одной не найти, а яблочный дух в городе все равно чувствуется, и днем, и ночью...

Хмурый человек, сидящий в вечерней темноте в густых кустах, прислонил к кирпичной стене автомат и вытащил из кармана большое зеленое яблоко. Яблоко зрелое, это просто сорт такой, и потому оно зеленое. И сладко-кислое. Приятно кислое, язык чуть-чуть щиплет... Зубы впились в плоть яблока с хрустом, с желанием... Второй человек, дремлющий рядом, от этого хруста проснулся, посмотрел на товарища и проглотил слюну. Ему тоже яблока хотелось, но у него застарелый гастрит, и после яблока, даже сладкого, сразу начинается изжога. Приходится себя ограничивать...

– Где же он? – не прекращая жевать, невнятно спросил первый. – Пора бы и пожаловать «стукачу» проклятому...

– Ты неправильно говоришь... – второй первого поправил. – «Стукач» – этот тот, кто сам «стучит»... А этот «тихушник» называется... Это который тихо себя ведет, скромно, понимаешь, а сам все слушает... И «стукачей» слушает... Он их сам подбирает, им платит, чтоб «стучали»...

– Кой хрен разница...

Они были разной национальности, и могли разговаривать друг с другом только на русском языке, которым оба владели далеко не в совершенстве.

– Вот это ты правильно сказал... Так и говорят... – поддержал второй, – а «стукач» – это неправильно...

– Все равно – он едет... – первый поднял кверху указательный палец и выплюнул остатки яблока. Рука нащупала автомат.

С улицы послышался звук приближающегося автомобиля. Вскоре машина остановилась напротив ворот.

– Будем встречать... – второй тоже поднял автомат, и с легким щелчком опустил предохранитель в положение автоматического огня. У первого предохранитель, похоже, никогда не поднимался в блокирующее затвора положение.

Они сидели в небольшом дворе. В доме, расположенном в глубине сада, горел свет, входная дверь была распахнута настежь, и свет из коридора ложился на крыльцо несимметричным прямоугольником. Но никто не спешил выйти из дома, чтобы встретить приехавшего. Это потому, что в доме уже побывали поздние гости. Правда, там они не стреляли, обошлись ножами. Одежда и того, и другого забрызгана была кровью. Впрочем, на камуфляже кровь почти не видна...

Автомобиль снова заурчал, уезжая. У армейских машин двигатели всегда шумные, и это знали притаившиеся в кустах люди. На армейских машинах водители меняются. А когда меня-

ются водители, некому за двигатель отвечать. Машина, как жена, должна только одни руки знать... Но сейчас поздние гости даже радовались такому обстоятельству, потому что звук двигателя не позволит водителю услышать выстрелы и поднять тревогу раньше, чем гости покинут опасное место...

Скрипнула металлическая калитка. Она как будто специально не смазывалась, чтобы предупреждать своим скрипом тех, кто в доме живет. Жил, то есть... Глупая мера самозащиты... Кому приспичит, через каменный забор легко переберется... Без единого звука...

– Э-эй... Я пришел... – громко сказал приехавший и шагнул по дорожке, выложенной природным камнем, к крыльцу. В темноте невозможно было разобрать, кто пришел, видно было только его камуфлированный костюм.

И в этот момент две автоматные очереди вырвались из кустов, разрывая пришедшему грудь. Они сразу отбросили человека к калитке и свалили на дорожку. Стрелявшие выскочили из кустов, подбежали к нему, склонились.

– Он... Подполковник... – сказал первый.

– Он... – согласился второй и вытащил из кобуры подполковника пистолет и запасную обойму. – Это ему уже не надо...

И поднял с земли папку с документами, которую подполковник всегда носил с собой.

По тихой улице снова ехала машина. Только теперь уже с другой стороны. И убийцы выскочили за калитку, потому что знали, что машина пришла за ними...

– Как другие группы? Не слышал? – спросил у водителя любитель яблок.

– С заданием все справились... Вы закончили последними...

– Наш подполковник на службе задержался... Но задержался в последний раз... Больше он себе такого не позволит...

Все трое засмеялись...

На углу, где не горели фонари, и кусты были густыми, машина на несколько секунд остановилась, и убийцы выбросили автоматы и ножи, сняли с себя маски «ночь», окровавленные камуфлированные куртки, перчатки и отправили их вслед за оружием... Обыкновенные кожаные куртки лежали здесь же, на заднем сиденье. Теперь бандитов узнать было трудно...

Дальше машина двинулась не спеша...

2

– Уведите задержанного... – вислоусый подполковник милиции устало махнул рукой.

Один из конвоиров шагнул к человеку, которого только что допрашивали, жестом потребовал руки убрать за спину и защелкнул на его запястьях наручники. Второй стоял в дверях, дожидаясь окончания процедуры. Все привычно и отработано до мелочей. Подполковник даже не смотрел за работой конвоиров.

Поднялся и адвокат, присутствующий на допросе, – самодовольный, сытый, с легким запахом спиртного, представитель большой когорты адвокатов, пользующихся в последние годы популярностью. Раньше, в советские времена, адвокаты всегда казались подполковнику худосочными и голодными. Теперь времена переменялись. Да и подполковники в советские времена большей частью объемом живота не славились. Теперь это случается чаще...

Адвокат стал собирать в кожаную папочку документы, но делал это долго, подчеркнuto долго, и подполковник с удовольствием понял, что адвокат дожидается, когда его подопечного уведут, чтобы сказать что-то следователю наедине. Следователь любил такие разговоры, и потому почувствовал, как настроение начинает улучшаться.

Задержанного увели. Адвокат голову поднял и рот уже, было, раскрыл, но тут телефон зазвонил. Подполковник сердито снял трубку.

– Володя, это я... – знакомый голос говорил торопливо.

– Говори, говори... – подполковник еще больше поторопил говорившего. – У меня допрос идет... Побыстрее...

– Встретился, обговорил... Они хотят сначала только один контейнер... Через месяц обещают забрать второй...

– Когда назначил?

– Завтра утром...

– Плохо... У меня график напряженный... Ладно, я отменю допросы... В котором часу?

– В десять...

– Значит, в девять будь у меня...

Подполковник положил трубку и посмотрел на адвоката, взглядом показывая, что он готов его выслушать.

– Владимир Михайлович, – адвокат всем своим видом показывал небывалое смущение, разве что ногой по полу не елозил. Но смущение это было наигранным и даже слишком, как показалось подполковнику.

– Говорите, говорите, время уже позднее, мне домой пора... А завтра день тяжелый...

– Владимир Михайлович... Я думаю, мы с вами можем договориться по этому вопросу...

– Договориться можно по любому вопросу... Только я умею договариваться конкретно и когда не остается «хвостов», за которые меня дергать начнут... Куда вы, к чертовой матери, свидетеля денете? – вислоусый подполковник в сомнении качнул головой.

– А свидетель, будьте уверены, с удовольствием от первичных показаний откажется... Он же, вы сами помните, пьяный был до утробного состояния... Скажет, протрезвел, и ничего не помнит... Я с ним уже разговаривал... Он согласен...

– Только без методов физического воздействия. Это может плохо обернуться. Ладно... Сколько?

Адвокат раскрыл папочку, на которой не спешил «молнию» застегнуть, и вытащил пачку долларов. Упаковка – сто штук по десять долларов. Итого, тысяча...

– И еще две... – категорично сказал подполковник.

Адвокат вздохнул. Он знал, что так и будет, и покорно вытащил из папки заранее подготовленные деньги. «Может быть, следовало сразу пять просить, – подумал подполковник, – но теперь уже поздно».

Сделка состоялась.

– Пару дней я его все же подержу... Завтра после обеда допрос свидетеля... Обеспечьте его явку и трезвый облик... Естественно, и трезвые взвешенные показания... Тогда дело можно будет закрывать...

* * *

Погода стояла жаркая не по времени года, и весь Дмитровград, казалось, хотел спрятаться в тень. Те, кто посмелее, вообще на пляж отправились... Виданное ли дело, в конце октября загорать! Но загорают ведь...

Там, недалеко от поворота на пляж, откуда загорающих хорошо было видно, стоит только придорожные кусты раздвинуть, и остановилась «десятка» вислоусого подполковника. На заднем сиденье устроились два мента: капитан и старший лейтенант.

– У них черный «Ауди»... – сказал капитан. – Правое переднее крыло помято, и фары нет...

Ждали минут пять... Чечены опаздывали...

– Едут... – первым увидел приближающуюся машину старший лейтенант. – Они?

– Похоже... – согласился капитан.

Вислоусый подполковник ждал молча.

Черный «Ауди 4» сначала проехал мимо, на минимальной скорости проехал, словно люди в машине присматривались к окружающей обстановке. Потом метров через сто «Ауди» развернулся и приблизился, остановившись прямо впритык к десятке. Но капитан тут же высунулся из окна и помахал рукой, требуя, чтобы «Ауди» слегка назад сдал. Потом вышел и на багажник показал, поясняя свое требование. «Ауди» немного отъехал.

Вышел из машины и старший лейтенант. Только вислоусый подполковник остался за рулем, но положил на колени сложенную газетку, в которой был не позволен... спрятан пистолет. С чеченами жить, по-волчьи выть... Без пистолета с ними здороваться честному человеку опасно...

Капитан тем временем переговорил с вышедшими из «Ауди» чеченами. Постучал по багажнику. Вислоусый подполковник неторопливо вышел, колыхнул животом и открыл багажник. Тяжелая даже внешне свинцовая упаковка имела свинчивающуюся крышку с двумя пружинными фиксаторами.

Крышку сняли. Один из чеченцев приблизил к контейнеру прибор, глянул на монитор и отдернул руку. Прибор показал то, что должен был показать.

– Судя по фону, америций¹... – сказал проверяющий. – Он не так сильно фонит, как уран... Хотя намного опаснее...

– Триста граммов... – сказал капитан и улыбнулся, сверкнув крупными и ослепительно белыми зубами.

– Можно забирать? – спросил старший чечен.

– Не-а... Сначала, друзья, расчет...

¹ Америций-241 – искусственно полученный радиоактивный химический элемент, смертельно опасный для человека. Малейшая его доза, попавшая в воздух или в воду, вызывает в организме человека раковую опухоль, от которой облученный умирает в течение трех месяцев. Трехсот граммов америция хватит для того, чтобы уничтожить миллионы людей. В микроскопических дозах применяется при лечении раковых опухолей. Синтезирован американскими учеными в начале 1945 года в результате облучения плутония-239 нейтронами. Получил название по месту открытия. Испытать америций в боевых действиях американцы не успели в связи с окончанием второй мировой войны.

Чечен кивнул. Из «Ауди» вынесли «дипломат». В «десятку» сели только двое – вислоусый подполковник и старший чечен. Подполковник принялся считать деньги.

– Пятьсот тысяч, все правильно... – сказал, наконец. – Забирайте...

– За вторым контейнером через месяц прибудем... Никому не сбывайте...

– Это точно?

– Абсолютно... Обязательно прибудем... У нас уже есть покупатели... Может быть, и цену сможем накинуть, хотя этого не обещаю... Но покупатели солидные... Их грех не потормошить... Главное, никому не сбывайте...

– Куда груз уйдет? – вислоусого подполковника вопрос этот, видимо, волновал.

– Сначала в Пакистан, потом в Америку... Нам он ни к чему, мы торговцы, а не террористы...

– Потому с вами и имеем дело... Террористов бы я сам «повязал»... – сказал вислоусый подполковник сурово и внушительно. Живот его при этом качнулся совсем уж категорично.

Контейнер быстро перенесли в «Ауди», и автомобиль, круто вывернув, быстро набрал скорость. Хорошая машина...

Капитан и старший лейтенант проводили чеченцев взглядом, сели в «десятку».

– Вот теперь можно и в отставку... – сказал вислоусый подполковник.

Живот его ложился на руль машины, и приходилось руками пропихивать его ниже, чтобы не мешал рулить. Но это действие было привычным для подполковника, и выполнял он его машинально.

– Мы с Алексеем тоже подумываем... – сказал капитан, кивая на старшего лейтенанта. – Опер уголовного розыска – это только звучит красиво. А за красоту не платят... Бизнесом займемся... Теперь есть, с чего начинать...

– Уже занялись... – одобрительно сказал вислоусый подполковник, пребывая в наилучшем расположении духа. – Первая сделка прошла удачно...

– Будем надеяться и на вторую...

– Меня в компаньоны берите, – попросил вислоусый подполковник. – Без почетного звания бизнесмена всю жизнь придется на «десятке» ездить... Не то спросят, с каких шишей что покупаешь... Я допросы люблю только с одной стороны стола ²...

² Попытка продажи америчия бывшими сотрудниками уголовного розыска Дмитровграда была пресечена оперативниками ФСБ в конце 2006 года.

3

– Я с детства абрикосы любил... А потом, взрослым уже, в ананасы влюбился... До того усердствовал, что губы соком разъедало... У ананаса сок, понимаете, едкий...

– Нечего слюни распускать... Икать скоро начнешь... О еде лучше не говори...

Абрикосами, как говорится, человека не накормишь, впрочем, как и ананасами... Чтобы голод утолить, хотя бы кусок хлеба необходим... Тогда и абрикосы, и ананасы, и даже чеснок вполне можно назвать пищей... Два десятка головок чеснока я вчера самолично выкопал в чужом огороде. И больше в том огороде ничего не росло – все уже выкопали... Но есть чеснок без хлеба невозможно, пришлось до лучших времен оставить в большом кармане «разгрузки». Хотя по одной головке мы все же сжевали. Язык потом до одури щипало...

Вот клюквы на болотине и брусники на склоне оврага, к болотине ведущему, мы здорово наелись. Вдосталь, казалось – не влезет больше... Но все равно, когда отлежались, влезло бы, когда желудки не первый день, как оркестровые барабаны, пустые, и кроме ягод набить их было нечем. Но нас оттуда медведь спугнул... Небольшой, с клочкастой рыжеватой шкурой, но сердитый, зараза... Боялся, что ему мало достанется... Откровенно прогонял, но в драку, однако, не лез, жить, стало быть, хотел... Мы ушли... Не стрелять же из-за клюквы, все-таки живое существо... Хоть автоматы у нас и с холостыми патронами, но в пистолете у меня и у лейтенанта боевые... Да и мало ли кто выстрел услышит... Хотя слухачей рядом быть не должно бы... Мы от них оторвались... Хочется верить, что оторвались... Зря, что ли, я такой темп дал, что лейтенант, несмотря на нашу разницу в возрасте, язык на плече сушил...

А в деревне Иголье, в которую сбоку заглянули сегодня, всего один дом жилой, как нам показалось... Остальные или заброшены, или стали дачами, хотя тоже едва ли. Кому нужна дача в таком медвежьем углу, куда и дорог-то нет, и единственный старый мост через речку с крутыми берегами давно сломан. Проехать можно только по шпалам по небольшому железнодорожному мосту. Но для этого следует иметь машину с приличным клиренсом. По меньшей мере, «уазик». Даже «Нива» там не пройдет... Мы сами вчера по этому мосту прошли... Пробежали, потому что место там открытое, со всех сторон, как в телевизоре, просматривается... Свежие следы автомобильных покрышек, кстати, я там заметил... Грузовик проходил... Похоже на «ГАЗ-66»... Здесь такой машине ездить в самый раз... Сейчас «шестьдесят шестых» в личном пользовании много... Вполне может статься, что такой и проезжал, потому что с вооружения эти машины уже сняли...

А жилой дом манил. Димка нос задрал и не опускал уже – дым нюхал, и, кажется, дымом подпитывался...

– А что, товарищ майор, уже холода подошли, что печь топят? – спросил с наигранной наивностью.

– И не жарко, вроде бы... Поздняя осень, все-таки... И вообще... Ты хоть один провод в деревне видишь? – спросил я. – Одни столбы... Провода давно в металлолом сдали... Электричества нет... Печь топят – обед готовят... Больше здесь готовить не на чем...

– В гости зовут... – добавил Димка мечтательно. – И газа здесь, стало быть, тоже нет?

Что с него, с лейтенанта, возьмешь – городской житель, продукт урбанизации... Не знает даже такой вещи, что газ в деревнях разводится поверху, не под землей, как в городе... Но кто будет проводить газ в деревню с единственным жилым домом. Да и дом такой, что стоит меньше, чем подводка и подключение газа... Конечно, газ может быть привозным... Но для этого за ним следует ездить куда-то, хотя бы в райцентр. А чтобы ездить, следует иметь машину. Для машины гараж нужен. Здесь его нет... А зима? Зимой здесь вообще дороги быть не может... Только лыжня охотника... Дорогу в такие места зимой бульдозером чистят. Но в деревню с единственным жилым домом бульдозер гнать не будут...

Я молча бинокль взял и продолжил наблюдение. Лейтенант тоже к биноклю прилип и шумно носом тянул. Не соображает, кажется, что бинокль запаха не приближает... Но это он интуитивно. Я как-то к голоду отношусь спокойнее, а Димке трудно это дается. Но привыкать надо...

– Может, заглянем в гости? – предложил он.

Я бинокль в сторону отложил и на спину откинулся, чтобы в небо посмотреть, облаками полюбоваться. Вид облаков меня, как всякого десантника, всегда успокаивает. И сейчас, чтобы не злиться на лейтенанта, на облака посмотреть просто необходимо. С одной стороны, знаю, что сам в молодых лейтенантах таким же тугодумом был. Но всегда кажется, что не настолько, насколько нынешние...

– Хоть картошечки «с разварки» бы перехватить...

– Оттуда не картошкой «с разварки» пахнет... Нам сколько осталось скитаться? – спросил я.

– Три дня, товарищ майор...

– Если ты три дня еще не поешь, что с тобой будет?

– Ничего, товарищ майор... Только вам тогда нести меня придется... Но, не беспокойтесь, я уже легким стану... Дистрофики всегда легкие...

Юмора Димка не лишен, а вот умения наблюдать и соображать... Но этому учиться надо. И мне как раз следует лейтенанта учить...

– Ты бинокль подними и посмотри внимательно... Сначала на дом...

Я сам уже не смотрел, но мысленно этот дом воспроизвел перед собой, потому что все мелочи уже приметил...

– Комментируй, что видишь...

Лейтенант Димка молчал больше минуты, всматриваясь в дом и отыскивая то, что могло бы стать причиной для подозрения. Но не сразу включился...

– Дом, как дом... Старый... Бревна черные... Так... Фундамент из красного кирпича, ленточный... Трещина ближе к углу, около собачьей будки... Собаки нет, похоже, давно, в будке всякий хлам... Крыльцо...

Я недовольно хмыкнул, и лейтенант снова перевел бинокль на собачью будку. Молчал минуты две. Потом сам спросил:

– Что-то не так с будкой?

– Продолжай осмотр... Я слушаю...

– Крыльцо покосилось... Похоже с той стороны основание сгнило... Но ходить по нему можно, трезвым не свалишься... Ох-о-хо-хо-хо... Щами, кажется, пахнет... Сейчас бы целый банный тазик поглотил...

– Нос заткни... Смотри дальше...

– Дверь прикрыта, но не закрыта... Щель достаточно большая, чтобы запах кухни выходил... Внутри никого не видно...

– Дальше... – подо мной я.

– Окна... Два окна... В одном двойные рамы... Во втором наружной рамы нет... Наверное, сняли для ремонта... Стекла чистые... Блестят... Иду дальше...

– Иди дальше...

– Крыша... Ремонта требует... Провисла по центру... И печная труба... Три кирпича сверху сбито... Не грех бы их положить на место... Один кирпич вижу на крыше... Скатился под деревянный водосток... Мешает воде стекать...

– Все! Выводы...

– Дом не жилой... Дым и запах – это ловушка для нас...

– Основания к предположению...

– Первое... Стекла новые... Слишком чистые... В старых домах таких стекол не бывает... Второе... Весной вода стекает с шифера в водосток. Там лежит кирпич от трубы. Вода поверху пойдет, будет литься на крыльцо... Как раз там, где оно осело... Убрать кирпич сможет даже старуха... Убрала бы, если бы здесь жила...

– Хорошо... Двор...

Бинокль «прогулялся» по двору, остановился на сарае. Потом перешел на отдельный дровяной сарай.

– Нет запаса дров на зиму... Вообще нет запаса дров... Дровяник пустой... Зима уже рядом... Без дров зимовать здесь невозможно... Нет живности... Жить в деревне и не иметь живности – такого не бывает... Хоть коза, хоть куры... Что-то должно быть...

– Молодец! Это все?

– Все...

– Будку упустил... Собачью... Там сидит кто-то... Так заложить ее можно только изнутри. Сесть в будку и закрыться изнутри... Ствол высунуть недолго...

– Согласен...

– В целом, сориентировался хорошо. Нанюхались, и будет... Уходим...

Нас в высоком полусухом бурьяне не засекали, иначе была бы погоня. И потому, спустившись с пригорка в лес, мы спокойно прошли по маленькому болотцу и углубились в чашу...

– Вы, товарищ майор, в Приштине³ так ориентироваться научились? – спросил Димка в спину. – Я ведь сначала ничего такого не предположил...

Я коротко хохотнул.

– Если бы я не умел этого делать раньше, в Приштине мне вообще нечего было бы делать... Меня, тоже лейтенанта, тоже майор еще в Афгане учил... Чему-то научил...

Лейтенант ускорил шаг и поравнялся со мной. Тропы здесь все равно нет, идти можно и рядом, только нужно успевать ветки от лица убирать и смотреть, куда ступаешь, чтобы в сыром месте следа не оставить.

– Лейтенант, откуда у тебя такая фамилия странная?

– Говорят, товарищ майор, у меня прадед беспризорником был. Поймали его, стали протокол писать. Имя спрашивают, он говорит: «Димка». Фамилию спрашивают, он говорит: «Димка»... Так и записали... А настоящей нашей фамилии никто не знает...

– И ладно... Эта фамилия легко запоминается... Давай, пробежимся, что ли...

И я стал увеличивать скорость, постепенно переходя на бег... Если «краповые береты» подготовили нам здесь ловушку, а мы в это время считали, что они вообще потеряли нас, поскольку поисковых вертолетов в небе уже день не было видно, значит, не все так просто... Они вертолеты убрали, чтобы нас не спугнуть, и ищут совсем близко...

* * *

Понемногу, незаметно уже поднакопилась усталость и мешала бежать так, как мы бежали в первый день... Путая следы, мы часто совершали броски из одной стороны в другую... И даже навстречу преследователям, как на дороге по встречной полосе движения. С той только разницей, что, сначала оторвавшись от «краповых беретов», резко в сторону сворачивали, еще раз сворачивали, и бежали навстречу вне пределов прямой видимости...

Пять дней учений прошло... Осталось три... За пять дней нас с лейтенантом Димкой поймать не смогли. Хотелось верить, что не смогут поймать и в оставшиеся три, и не только нас, но и четыре остальные пары... А сами мы в ловушку не пойдём... Хотя ловушки нам строит такой серьезный противник, как спецназ внутренних войск. Учения вообще эксперименталь-

³ Приштина – столица Косово, место дислокации российских миротворческих сил.

ные. В них задействованы мы – спецназ ВДВ, спецназ внутренних войск в качестве нашего противника, а все наши действия контролируются третьим участником учений, ради которого сами учения и устраивались, – Управление космической разведки ГРУ отработывает варианты слежения из космоса. Это даже при том, что из пяти прошедших дней два были облачными и хмурыми. «Ловят» человека, и «ведут» тепловизором...

Мы прятались успешно. И, думаю, вполне могли бы прятаться так и дальше. Но уже на третий день учений поступила команда – перейти на пятый вводный вариант. Пятый вводный вариант означал, что при переправе через реку у нас унесло рюкзак с продуктами. Рюкзак мы выбрасывать не стали, но продукты вывалили. И даже банки с тушенкой вскрыли и отправили содержимое на землю. Это я так распорядился... В лесу живности полно, лес, как и вся Россия, оживает... Хоть кто-то подпитается... Но сами при этом даже ножи не облизали... Условия требовалось выполнять строго...

Но на пятый день голод стал донимать всерьез, и приходилось проявлять терпение...

Раньше во время учений таких «голодных вариантов» я не встречал. Слышал только, что в подготовке спецназа ГРУ это используется. Наши стали у них опыт перенимать...

* * *

К наступлению темноты мы ушли на приличное расстояние от той деревеньки Иголье, где нас ждала «гостеприимная» засада. И уже могли себе позволить некоторую вольность. Быстро построили высокий шалаш и развели в нем маленький костерок, чтобы согреться. По ночам подступающая по календарю зима ощущалась, хотя днем осень, по тому же календарю, своего названия не оправдывала. Такой костер благодаря удачно выбранному месту и конструкции шалаша невозможно было увидеть ни со стороны, ни сверху. И дым в темноте тоже не увидишь. Хотя можно было почувствовать его запах. Но ветра совсем, практически, не было, и мы с лейтенантом Димкой решили...

И только слегка согрелись, а лейтенант уже и глаза закрыл, как у меня сработал виброзвонok спутникового телефона. Странно, телефон служебный, посторонние номер не знают, а до конца учений никто из нашего командования звонить не имеет права.

– Слушаю, майор Бобрынин... – ответил я сдержанно.

– Майор... – раздался голос нашего начальника штаба полковника Солодова. – Как дела?

– Пока успешно убегаем, товарищ полковник...

– И хватит... Ты набегался... У меня в кабинете все твои передвижения на мониторе просматриваются... Выходи на два километра вправо от своего прежнего направления. Там широкая поляна. Зажги большой костер... Вертолет за тобой и лейтенантом уже вылетает...

– Понял, товарищ полковник...

В армии не принято задавать вопросы и выяснять причину приказа. Тем более по телефону... Приказ поступил, требуется его выполнить...

@BREAK =

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

1. МАЙОР ВИКТОР БОБРЫНИН, СПЕЦНАЗ ВДВ

Вертолетчики, естественно, сначала прожектором обшарили поляну. Мы им еще фонарями подсветили, показывая направление посадки. Тем не менее сели они в такой опасной близости к лесу, что лейтенант Димка, не имея возможности подсказать, просто за голову схватился, ожидая, что тяжелый винт столкнется с сосной. С сосной не столкнулся, но какие-то то ли высокие кусты, то ли мелкие деревца погромсал основательно...

Мы быстро заскочили в открытый люк. Встретил нас то ли двухметровый второй пилот в «краповом берете», то ли еще кто-то прилетевший попутно. Вертолетчикам, вообще-то, насколько я знаю, «краповые береты» не даются. Если нацепил, значит, любит себя показать, не думая, что такой берет – это тоже награда.

Оказалось, это не пилот. Просто комбинезон ввел меня в заблуждение. Второй пилот следом вышел и люк закрыл, потому что двухметровый «краповый» с таким непривычным для него делом сразу не справился.

– Рисковые вы ребята... – сказал я. – Чуть ли не на лес сели... Середину поляны не видно?

– Видно, только там же болотина... – второй пилот легко и привычно перекрикивал шум винтов, что мне не всегда удавалось.

– Откуда там болотина! Мы там только что прошли... Одна роса...

– На карте обозначена...

– Картам верить – мяса не есть... – хохотнул двухметровый «краповый». Вот уж чей голос любой вертолет перекричит. Да что вертолет... Ему стратегический бомбардировщик с четырьмя двигателями подавай, и то посоревнуется...

Только сейчас я рассмотрел, что мы с этим детиной в одном звании.

– Куда летим, майор?

– Приказано вас на место доставить... Потом полетим других ловить... Ваших...

– Кого-то поймали? – поинтересовался я.

– Одну пару...

– За пять дней?

– За четыре... Их вчера поймали...

– До рукопашки не дошло?

– Окружили превосходящими силами... – он улыбнулся. – Но наши парни тоже в рукопашке не уступят...

– Я рад за ваши превосходящие силы... – съехидничал я, поглядывая на лапищи «крапового» майора. Такими лапами можно парашютные стропы рвать. – Но времени у вас не остается... Похоже, больше никого не поймаете...

Не знаю, понял майор мое ехидство или нет...

– Засаду в Иголье обнаружили? – спросил меня серьезно и с видимой досадой, если не с некоторой обидой.

– Обнаружили, как не обнаружить... – это доставило мне удовольствие. – Не продумали все... Мой лейтенант как только в бинокль посмотрел, сразу все просчитал... А нас почему снимают? Не в курсе?

– Сказали, оперативная необходимость... Попросили немедленно доставить... Какая у вас оперативная необходимость может быть? У нас еще понятно – в Чечню время от времени гоняют... После учений вот, опять два взвода полетят... А вас?...

– Понятно... – сказал я, хотя мне было совершенно не понятно решение командования. Если нашу пару сняли распоряжением нашего командира, следовательно, она будет считаться захваченной условным противником. Еще один плюс команде спецназа внутренних войск. Соответственно, минус спецназу ВДВ. А командир дивизии накануне говорил, что нам просто необходимо стать победителями в учениях, чтобы поднять свою репутацию. Пока мы – стабильно третьи среди всех подразделений спецназа России. Первые – спецназ ГРУ – вообще вне конкуренции. Но у них традиции более чем пятидесятилетней подготовки. Спецназ внутренних войск свою специфику имеет, и тоже подготовкой похвастаться может. И даже не столько подготовкой, сколько финансированием. Мы обычно идем вслед за ними. А обогнать очень хочется. Чтобы не только род войск стал значимым, но и спецназ этого рода войск... Однако, если есть оперативная необходимость, плюсы и минусы в учениях в счет, как правило, не идут... – Нас в Чечню теперь не гоняют... Там рядом десантура обжилась... А оперативная необходимость может быть всякой... Пока же я вижу только одну оперативную необходимость – до стола добраться... У тебя, майор, сухого пайка нет?

– Сам бы к чужому столу подсел... – вздохнул майор.

– Жаль, у нас в городке ночного ресторана нет... – вслух размечтался лейтенант Димка. – Сейчас бы зашел туда, заказал бы поросеночка с хреном...

– Хрен лучше обрезать... – со знанием дела сказал «краповый» майор.

Мне бы их заботы...

* * *

За нами на дивизионный аэродром даже машину прислали. Водитель в диспетчерской службе сидел, дожидался. Спрашивать что-то у водителя смысла не имело. Но до дивизионного городка доехали быстро, и я, попросив лейтенанта Димку подождать, отправился к дежурному по штабу. Оказалось, полковник Солодов с полчаса как уехал. Приказал нам с Димкой дожидаться его в городке и на квартиры не уезжать. В гарнизонной гостинице, что рядом со штабом, для нас забронирован номер. Причину снятия с учений дежурный не знал, мог сказать только одно – нарушений с нашей стороны не было, следовательно, снятие никак не связано с самими учениями...

Домой я все-таки позвонил. Тамара, жена, обрадовалась, думая, что учения кончились и меня, наконец-то, поймали. Ведь после возвращения из Приштины я из-за приближающихся учений в положенный отпуск так и не ходил. Но я ее расстроил, сказав о приказе полковника. За Солодовым не заржавеет, и в середине ночи он точно появится. Поэтому ждать следует на месте...

– Утром, может быть, приеду... – пообещал я не вполне уверенно.

– Может, поесть чего-нибудь привезти? – предложила Тамара. – Я быстро бифштексов нажарю... Фарш есть, в «микроволновке» мигом разморожу...

Для меня это – лишний повод для беспокойства. Когда она за руль садится, то при виде каждой встречной машины норовит в кювет колесом забраться. Удивляюсь еще, как она на права сдала, пока я в командировке в Приштине был... И пусть ехать-то всего семь километров, а по ночам встречных машин мало попадается, тем не менее, я не хочу на этой почве инфаркт заработать.

– Спасибо, не надо. Нас сейчас накормят...

Относительно «накормят» я, скорее всего, погорячился. Дежурный по штабу знал уже, что мы работали по пятому вводному варианту, и сам позвонил на кухню, тамошнему дежур-

ному. Тот пообещал поскрести по сусекам и хоть что-нибудь доставить нам в гостиницу. С этой радостной вестью я и вышел к лейтенанту Димке. Он человек холостой, ему – что дома поесть, что в столовой, что в гостинице – разницы мало. Разве что ночной ресторан с парным поросенком предпочел бы... Но ночного ресторана в городке нет. И потому лейтенант даже обрадовался...

* * *

Полковник Солодов приехал утром рано, еще за два часа до общего подъема в дивизии. Дежурный по части позвонил мне и сообщил, что выслал за начальником штаба машину, и потому я ждал вызова, уже умывшийся и побритый, посвежевший, отдохнувший, словно не было за спиной пяти дней учений – так, по крайней мере, зеркало показало. Надеюсь, я не ошибся, потому что не люблю перед командованием выглядеть уставшим и помятым. То же самое я порекомендовал и лейтенанту Димке. Но он и по возрасту, и по характеру на подъем легкий, и потому подготовился даже быстрее меня. Да ему и не надо было так старательно бриться, потому что лейтенантский пушок на верхней губе не требует таких усилий, как седоватая щетина на майорском подбородке.

Я не знал еще, вызовет полковник меня одного или вместе с лейтенантом, и потому приказал Димке быть готовым ко всему.

Солодов вызвал меня одного...

* * *

В кабинете полковника было уже людно. Я ожидал этого, потому что у крыльца штаба стояло несколько машин, которым в другое время делать здесь было нечего. Причем машины не наши, без традиционной эмблемы ВДВ. Дверь в кабинет была распахнута, навстречу мне выходил капитан-шифровальщик, и я, до того, как войти, успел рассмотреть присутствующих через его плечо.

Двое были в гражданской одежде, хотя по сдержанным лицам я бы принял все же их за людей военных. Еще двое, полковник и подполковник, носили на погонах красные просветы и петлицы красного цвета, следовательно, к нашей дивизии отношения не имели. Один подполковник был в нашей форме, но не из нашей дивизии. Подполковников в дивизии я знал всех. Впрочем, за те полгода, что я провел в Приштине, здесь могли появиться и новые офицеры.

Солодов увидел меня в дверном проеме.

– Заходи, Виктор Евгеньевич, чего стоишь...

Таким образом, мне даже стучать в дверь и спрашивать разрешения войти не потребовалось.

Полковник жестом остановил мое желание начать доклад.

– Ладно... Это потом... Сейчас у нас другое дело «кипит»... Садись...

Кабинет начальника штаба за время учений изменился. Сбоку от рабочего стола, там, где раньше стоял маленький столик для телефонов оперативной связи, теперь стоял большой стол, и на нем – пять мониторов. Компьютеров видно не было, должно быть, под столом для них вполне хватило места. Сейчас были включены три монитора. Из чего я сделал вывод, что три наши оставшиеся группы выдерживают учения успешно.

– Садись, майор...

Я пододвинул стул ближе к столу полковника.

– Вот, знакомьтесь, это и есть майор Бобрынин... Итак, Виктор Евгеньевич, сразу начну с главного... Есть данные, правда, не совсем конкретные, что брат твой, старший лейтенант Бобрынин, все же, слава Богу, нашелся...

Мне захотелось встать, сразу вспомнилось заплаканное лицо матери, и в горле появился ком, но внешне я никак своего волнения не показал. Младший брат, старший лейтенант Бобрынин... Сашка... Тоже десантник, служил на Северном Кавказе... Два с половиной месяца назад он пропал без вести в Дагестане, причем пропал в совершенно мирной обстановке... Пошел домой после службы – он комнату снимал в доме дагестанцев, но до дома не дошел. Иногда он дома не ночевал, и потому никто сначала тревоги не поднял. На службе тоже не сразу хватились, потому что Сашка перед этим жаловался на простуду и головную боль, и вполне мог дома остаться. Только на третий день начали искать. И не нашли... Пропал человек, пропал офицер-десантник, и все...

– Где? – хрипло спросил я, справившись с комком в горле.

– По данным агентуры спецназа ГРУ, – Солодов кивнул на подполковника в форме, схожей с нашей, но только сейчас я рассмотрел другую нарукавную эмблему, – он содержится в одном из сел Чечни... Вернее, будем уж точны, нет данных, что это именно он, но там содержится пленный старший лейтенант десантных войск... Других старших лейтенантов десантных войск в настоящее время среди пропавших без вести не числится... Вывод, кажется, понятен...

Я уже пришел в себя.

– Понятен, товарищ полковник... Но, я понимаю, что в деле существуют какие-то сложности, иначе обошлись бы без меня, и не здесь решали бы вопрос, а на месте... У них дивизия имеет достаточно собственных сил, чтобы не создавать какой-то семейный альянс...

– Правильно ты понимаешь, Виктор Евгеньевич... Сложности есть, и сложности эти носят весьма разносторонний характер...

– Дело в том, – сказал один из людей в гражданском, присаживаясь на стул рядом со мной, – что старший лейтенант Александр Евгеньевич Бобрынин содержится в доме достаточно известного в тех краях человека, дальнего родственника по женской линии и близкого друга премьер-министра Чечни – в доме Ачемеца Завгатовича Астамирова. Авторитетного человека из силовых структур республики, бывшего боевика не из последних и одного из самых богатых людей современной Чечни... Даже в Москве он владеет двумя казино, правда, через подставных лиц... Следовательно, у нас есть опасения, что наведение любых официальных справок может только усложнить ситуацию, и мы потеряем след старшего лейтенанта... Вашего брата. Естественно, что там, на Северном Кавказе, у нас есть силы, которые способны провести операцию по освобождению пленного... Тот же спецназ ГРУ вполне в состоянии это сделать... Тем более, что они как раз и получили информацию о пленном... Могут быть задействованы и сослуживцы вашего брата, но...

– Я уже понимаю, что существует какое-то «но»... – сказал я, слегка напрягаясь.

– ...Но там не все понятно в ситуации... Дело в том, что старший лейтенант Бобрынин пользуется слишком большой свободой для простого пленника... И нас это смущает настолько, что хотелось бы выяснить подробности...

У меня на языке вдруг появилось слово, которое я произнести не мог – дезертир... И человек в гражданской одежде, судя по всему, офицер ФСБ, тоже не торопился его сказать. Дезертир, предатель, перебежчик... Много можно подобрать синонимов, но как их увязать с Сашкой, братом?...

– Вот потому, товарищ майор, выбор пал на вас...

Недоговоренность висела в воздухе, была весома, буквально давила. Меня, учитывая репутацию, многочисленные награды, мое самолюбие и честь офицера, откровенно щадили, и я это понял. И мне не хотелось, чтобы меня не щадили, мне не хотелось слышать слова, которые я только что произносил мысленно...

Я встал, словно хотел сказать, что готов к выполнению задания, но для чего я встал – сам не знаю, потому что говорить пока было нечего.

– Подожди, Виктор Евгеньевич... – сказал полковник Солодов. – Я, кажется, забыл тебе представить... Это полковник Разумов из антитеррористического управления «Альфа» ФСБ. У него есть для тебя и более неприятные сообщения...

Я снова сел и напрягся, ожидая «более неприятных сообщений».

– По данным ГРУ, в том горном селе, под видом сил по охране правопорядка и самообороны, возможно, формируются и проходят подготовку террористические группировки. Своего рода, школа диверсантов... Мы не исключаем, что ваш брат состоит в этой школе на должности преподавателя или инструктора. Понимаете, какая ситуация?

– Понимаю, товарищ полковник... – у меня в висках стучала кровь, и, возможно, я даже покраснел, потому что лицо просто пылало.

– И задача вам ставится неоднозначная. Не только найти брата, но и выяснить все, что там происходит... Если это в самом деле террористическая школа, будем принимать меры... Если это что-то другое, вы должны сообщить нам, чтобы мы могли избежать напряженности с чеченскими властями, неизбежной в случае проведения силовой акции... Кроме того, в документах, которые вам предоставят для ознакомления, против вашего брата выдвигаются, пока на уровне версии, и другие обвинения... Вы и это должны учесть...

– Да, конечно, мне необходимо ознакомиться со всеми имеющимися у вас данными по этой школе и вообще по всем данным – я уже взял себя в руки.

– Обязательно, обязательно... – полковник Солодов распахнул дверцу сейфа и вытащил не очень тонкую папку с документами.

– С собой берете минимальное количество людей, – продолжил полковник Разумов. – Это разведывательная операция, а не боевая, поэтому максимум два – три человека, включая связиста. Там же в районе будут работать одновременно с вами, но выполняя при этом свои задачи, отряд спецназа внутренних войск – около сотни человек, и отдельная мобильная офицерская группа спецназа ГРУ в составе девяти опытных офицеров. С ними будете иметь связь, и получите, в случае необходимости, помощь... И вообще, можете работать как совместно, если найдете общий язык, так и самостоятельно... Если потребуется силовая акция, проводить ее будут именно они... Задача ясна?

– Так точно, товарищ полковник, – я опять встал.

– Сидите... Это еще не все... – сказал второй человек в гражданском.

Я сел...

– Учения, в которых вы принимали участие, не закончились... И они не закончатся через три дня, как планировалось... Я – подполковник Турбин, из управления космической разведки ГРУ. Мы будем отслеживать все ваши действия и действия вашей группы через наши спутники... Экспериментальная работа, как и на учениях, но она необходима, чтобы в дальнейшем эту работу сделать естественной и повседневной... И просто необходимо хорошо проверить ее в условиях серьезной разведывательной операции...

Подполковник посмотрел на часы и кивнул полковнику Солодову.

– Включите четвертый компьютер. Через две минуты посмотрим любопытную картину...

Солодов протянул руку под стол, и стало слышно, как заработал компьютер. Едва загрузка завершилась, подполковник Турбин протянул руку через плечо полковника и двумя щелчками мыши запустил какую-то программу со сложным интерфейсом. Еще несколько щелчков мыши, и на мониторе появилось какое-то большое здание с окружающим его сквером. Камера смотрела не прямо сверху, а под углом градусов в шестьдесят. Это искажало изображение, и трудно было понять, что же нам показывают, хотя в облике здания прослеживалось что-то знакомое. Перед зданием, около крыльца, выстроились люди. Большой длинный лимузин подъехал к самому крыльцу. Кто-то подскочил к машине, открыл дверцу. Вышел человек, стал пожимать руки встречающим...

– Президент США Джордж Буш-младший возвращается в Белый дом из своей загородной резиденции... – сообщил подполковник Турбин. – Все это происходит в режиме реального времени... То есть, сейчас... Спутник смотрит...⁴

Турбин снова защелкал мышью, изображение приблизилось, и стало возможным рассмотреть номер на машине американского президента...

– Вы будете находиться под постоянным «наблюдением» спутника, – продолжил подполковник, выключая компьютер. – Под точно таким же наблюдением... Три дня вам и вашей группе дается на изучение программ, с которыми вы будете работать. Спутник, по вашему запросу, будет вам показывать конкретную точку и конкретных людей, которые будут вас интересовать. В случае ненастной погоды и плотной облачности изображение будете принимать в инфракрасном режиме, но все же принимать будете... Только сразу предупреждаю, что простое любопытство удовлетворять не стоит. Такие сеансы слишком дороги, чтобы стать игрушкой...

– Кандидатуры на участие в операции у тебя есть? – спросил полковник Солодов.

– Лейтенант Димка... – с ходу предложил я.

– Не слишком молод?

– Мы тоже, товарищ полковник, были молодыми... Соображает он хорошо... Взгляд хороший – все видит... Физическая подготовка приличная, мне не уступает... Психологическая совместимость...

Полковник поморщился. Командование не любит этого термина. Командование всегда считает, что если солдату или офицеру отдан приказ, он обязан быть в состоянии его выполнить. Но в моей практике было много случаев, когда в одной команде собирались психологически несовместимые люди, и они не только не помогали друг другу, а, наоборот, мешали в выполнении заданий. На подсознательном уровне, не желая того, но мешали...

– С командой определитесь как можно быстрее, – сказал подполковник Турбин. – После обеда мы уже начнем занятия с компьютером...

– Понял, товарищ подполковник... – я встал уже в третий раз...

2. ЛЕЙТЕНАНТ СЕРГЕЙ ДИМКА, СПЕЦНАЗ ВДВ

Мне вообще была непонятна ситуация. Вызвали одного майора или нас двоих? И для чего вызвали? Чтобы мы проиграли учения спецназу внутренних войск? Не думаю, что нашему командованию это так необходимо...

Я сидел в кресле в тесноватом номере дивизионной гостиницы и «клевал носом», преодолевая позывы ко сну. По-хорошему-то следовало бы раздеться, да забраться под одеяло. Если майор не позвал сразу, значит, я там не нужен. Но что-то заставляло продолжать сидеть в кресле, хотя бодрости это не прибавило. И без того отдохнуть полноценно не успел. Спали-то всего пару часов. На учениях, в лесу, и то спали больше.

Я вообще-то совсем не засоня. Но уставать не люблю. А от бессонницы организм всегда устает... На учениях все иначе. Там существует какая-то внутренняя мобилизация, совсем не зависящая от желания самого человека. Наверное, и в боевой обстановке должно быть так. Там есть еще большая мотивация к мобилизации. А здесь, в дивизионном городке, расслабляешься...

⁴ Это не научная фантастика, а действительное положение вещей. Современные спутники способны вести подобное наблюдение за любой точкой земного шара. Так, в день рождения президента России в 2006 году в целях безопасности под контроль была взята вся Москва. И именно этот контроль помог впоследствии определить обвиняемых в убийстве журналистки Анны Политковской, зафиксировать номер машины, на которой убийцы уехали, и отследить их дальнейшие перемещения.

* * *

Майор вернулся, когда я уже почти прекратил бороться со сном и готов был ему полностью отдаться...

Я встал.

– Сиди, сиди... Только скажи мне, ты с компьютером дружишь?

– О, товарищ майор... Даже очень... В училище, как новая игрушка появлялась, мог сутками сидеть, пока из компьютерного класса не выгонят...

– Я серьезно спрашиваю. Степень владения компьютером...

– На уровне квалифицированного пользователя. Все обиходные программы...

– После обеда отправляемся на ускоренный курс обучения по работе в специфической программе. Нам еще один человек нужен. Радист. Надежный... Чтобы без претензий работал... И – обязательное условие – физическая подготовка. Это у радистов самое слабое место... Я хотел старшего лейтенанта Искандерова привлечь, но у него гипс с ноги неделю назад сняли... Кандидатура отпадает...

– Константин... Старший прапорщик Луценко... – без раздумий выдал я свою кандидатуру. – Отличный радист, лучший снайпер батальона, спец по рукопашке... А гранату, как он, вообще никто не бросает... С двадцати метров часовому в открытый рот попадет... И вообще парень, с которым не соскучишься... Легкий... Один недостаток – мой лучший друг...

– Не знаю такого...

– Могу позвать. Он уже должен быть на месте. На штабном узле связи... – предложил я.

– Гони, только быстро... Скажи, приказ начальника штаба. Я подбираю кандидатуры для участия в серьезной боевой операции... Пусть поторопится...

* * *

Наконец-то, и я дождался...

Еще накануне учений, когда мне сообщили, что работать буду в паре с только что вернувшимся из Приштины майором Бобрыниным, у меня что-то в душе заиграло. Подумал еще, что с таким майором рядом надо держаться, раз уж попал не просто в линейные части ВДВ, а в спецназ ВДВ, что на категорию, вообще-то, выше. Здесь хоть какая-то есть возможность себя показать. Старшим, таким, как наш командир дивизии или начальник штаба, как командиры батальонов или даже, как сам майор Бобрынин, повезло, они еще в Афгане успели повоевать... Тем, кто чуть помладше, капитанам и старшим лейтенантам – Чечня досталась... А мы, молодые лейтенанты, которые про те войны только читали и мечтали сами там повоевать, остались не у дел... Афган остался в истории, в Чечне – тоже практически все закончилось... А на учениях настоящим бойцом не станешь, хотя и называешься спецназовцем...

Но старшим офицерам и сейчас что-то перепадает... И хорошо, что я рядом с Бобрыниным вовремя оказался. Он ведь так и сказал – «кандидатуры для участия в серьезной боевой операции»... Боевой – это главное. Значит, предстоит какая-то командировка... Но Луценко я с разбегу ничего не сказал. Знаю, что можно болтать, чего болтать нельзя. Просто позвал его в гостиницу к майору Бобрынину.

– Я дежурю сегодня... – скривился старший прапорщик. – А на дежурстве я не пью...

– Приказ начальника штаба, алкоголь!.. Бобрынин для чего-то серьезного подбирает кандидатуры... – я был вынужден какую-то часть информации выложить.

Тут подполковник пришел, начальник Кости.

– Иди, раз вызывают... Мне уже звонил Бобрынин. Я не возражаю... Дело новое, и осваивать его надо...

* * *

Вообще-то я никогда не думал, что стану офицером. Хотя, по большому счету, я вообще не думал, кем мне стать... Это папа с мамой за меня думали, а я развлекался с друзьями... И до того мы доразвлекались, что почти сразу после школы половину нашей компании посадили. Но половина осталась, и развлечения продолжались... Учился я, несмотря на любовь к развлечениям, сносно, и мог бы в институт поступить там же, в своем городе. Но тут разговоры пошли об отмене всяких отсрочек от службы в армии, в том числе и для студентов. Война в Чечне была в разгаре. Папа с мамой посоветовались и решили, что лучше всего от армии спрятаться не в простом институте, а в военном училище. Война кончится, из армии можно будет уйти, образование останется, и дальше можно будет жить спокойно. Они и захотели сделать из меня временного кадрового офицера...

Я уже сам выбрал училище воздушно-десантных войск... Не знаю даже почему, просто из озорства, чтобы над родителями поиздеваться... Мама охала, папа упрямо молчал, но, поразмыслив, они решили, что такое училище добавит мне здоровья, и только... В этом училище без здоровья делать нечего. А родителей уже беспокоили идущий от меня порой сладковатый запах «травки» и не совсем уверенное поведение. Поступая учиться, я был вполне согласен с родителями. И лишь к концу первого курса начал во вкус армейской жизни входить... Конечно, не только о «травке», вообще о сигаретах думать забыл. А потом вошел в эту жизнь плотно, и мне такая жизнь неожиданно для родителей да и для меня самого понравилась. И мне уже хотелось стать не просто офицером, а хорошим офицером. И потому училище я закончил с отличием. И имел, кстати, самое большое количество прыжков с парашютом среди всех выпускников, даже тех, кто раньше, до учебы, парашютным спортом занимался... И жалел, что закончилась, практически, война в Чечне, как когда-то раньше закончилась война в Афгане... И даже забыл, что именно от войны в Чечне папа с мамой меня и спрятали в училище воздушно-десантных войск...

Уже после окончания училища, приехав домой в отпуск, я узнал, что вся наша компания, которая так любила развлекаться, плохо кончила... Даже те, кто поступил учиться в гражданские институты... Нашему поколению вообще прилично досталось... Если говорить серьезно, то даже больше, пожалуй, чем предыдущим поколениям: отцам, дедам, прадедам. Им трудности доставались, а нам соблазны. По себе отлично знаю, и всегда буду это утверждать – трудности преодолевать всегда намного легче, чем соблазны...

Двоих последних из моих друзей посадили за угон автомашины, а с остальными у меня уже не было общих интересов, потому что у них интерес был один – наркотики... А несколько человек из-за этого дерьма и не дожили до моего приезда...

* * *

Майор Бобрынин беседовал со старшим прапорщиком Луценко за закрытыми дверями. Со мной так не беседовал. Видимо, обо мне он уже знал, как считал, достаточно. Я тоже времени не терял и старательно приставал к горничной этажа, желая назначить ей свидание на будущей неделе, поскольку вся нынешняя у нее уже была расписана. Я даже список посмотрел и попробовал вычеркнуть из него трех солдат, как не заслуживающих внимания, потому что в самоволки ходят только разгильдяи, но горничная у меня ручку отобрала. Разгильдяи ей, кажется, нравились...

Потом майор дверь открыл и крикнул:
– Сережа...

Горничная, к сожалению, так и не успела записать, какого числа мы с ней должны встретиться.

Старшего прапорщика Бобрынин при мне отпустил до обеда.

– А нам с тобой следует голову чистую к обеду иметь... Надо отоспаться... Предупреди свою подружку, чтобы за час до обеда разбудила...

Я побежал предупреждать, и в список свиданий все-таки попал...

* * *

Подполковник Турбин, когда снимал очки, начинал говорить косноязычно. В очках у него более складно получалось. Нам в отдельный класс поставили два компьютера, один стационарный, второй – ноутбук для работы в полевых условиях. Интерфейс у программы оказался в общем-то дружелюбный, хотя и отличался слегка от интерфейса стандартных программ. Но привыкнуть было не сложно, и запоминать много не надо, поскольку традиционная клавиша «F-1» сразу давала подсказку на любой вопрос. Мы со старшим прапорщиком Луценко быстро включились в работу, а вот майору Бобрынину компьютер подчинялся с трудом, поскольку у него практики было мало. Но у майора оказалась хорошая память, и он быстро освоился.

Подполковника, однако, наши успехи особо не восхищали.

– До автоматизма все должно быть отточено... До автоматизма, чтобы не думать, а работать, и не тратить время спутника на ваши сомнения...

Вместо настоящего спутника пока была подключена программа-тренажер, установленная на стационарном компьютере, а мы поочередно работали с ноутбука и просматривали участки условной карты так, как нам было необходимо. Труднее всего было управляться с объективом камеры. Попытаешься чуть-чуть камеру подправить, чтобы посмотреть, что за углом дома делается, а она в соседний город улетает – там тоже углов много, и соображай потом, куда ты из космоса залетел. Космос – штука тонкая... Только к вечеру мы научились два раза из десяти попадать туда, куда следует. Самый несообразительный из нас в компьютерных технологиях – майор Бобрынин напоследок попал даже четыре раза...

– Будь моя воля, я засадил бы вас за тренировки до утра, – сказал подполковник Турбин. – С такими результатами забрасывать вас на местность бессмысленно. – Но начальник штаба сказал, что двое из вас только что с учений... Только поэтому только и отпускаю отдыхать до утра... В половине девятого жду здесь же...

– А я могу и до утра потренироваться... – поймал подполковника на слове Костя Луценко. – Я прошлой ночью хорошо спал, много...

У подполковника за очками забегали глаза.

– Вообще-то, я сам прошлой ночью не ложился... – но он решил: – Ладно... Работаем допоздна... Часов до одиннадцати вечера я выдержу...

* * *

Бобрынин выпросил у дежурного по штабу машину, чтобы нас по домам отвезли. Его, то есть до дома, а меня, за неимением дома, до офицерского общежития. Выглядел майор усталым и хмурым, и был явно чем-то озабочен. Я все ждал, когда он скажет хоть что-то о предстоящей операции, но майор откровенничать, похоже, не собирался. Однако терпение мое тоже не безгранично, и я спросил:

– И куда мы, товарищ майор, отправимся?

– В Чечню... – ответил Бобрынин однозначно, и ничего больше уточнять не стал.

Мне, впрочем, и этого хватило. Войсковые операции в Чечне уже не проводятся, а если и проводятся изредка, то только силами местных воинских соединений. Но большей частью

там работает спецназ. Наш спецназ ВДВ – только изредка, больше спецназ ГРУ или спецназ внутренних войск. Но, значит, есть причины, чтобы и нам что-то перепало...

* * *

После бессонной ночи я надеялся уснуть сразу и надолго. Однако, завалившись в постель, я поспал от силы минут пятнадцать – двадцать... Разбудил меня раздавшийся в коридоре голос и последовавший за этим стук в дверь. Я понял, что это сосед-подполковник с третьего этажа – он недавно с женой развелся, оставил ей квартиру, а сам в общежитие переселился, – выпить пришел. Он порой заглядывает с бутылкой. Не любит в одиночестве потреблять... Не услышав ответа, сосед ушел... Я еще немного полежал в полудреме. Потом вроде бы даже и задремал, но все-таки не уснул, потому что мысли в голове бродили пусть и фантастические, но вовсе не похожие на сны... Так всегда бывает, когда о чем-то постоянно думаешь. Мне всегда, с самого детства очень хотелось совершить подвиг. А где его можно совершить, как не в местах, где ведутся боевые действия? И если я отправляюсь в составе группы именно в такие места, то надо не упустить свой шанс...

Я сам точно не мог бы сказать, чего именно я добивался в своей жизни, чего хотелось мне... Подвига? А зачем? Это какой-то внутренний голос спрашивал... Хотелось первым быть? Лучшим? А зачем? Чего ради все эти старания?...

Мне вспомнился товарищ отца, к которому в деревню мы с отцом ездили во время последних каникул в военном училище. Отец тогда предупредил:

– Он человек со странностями... Ты внимания не обращай... У него свой банк был, и своя типография... В трех заводах часть ему принадлежала... Потом бросил все, домишко в деревне купил, и спокойно живет, и ни до кого дела ему нет, и его все забыли. Он стал никому не интересен. В деревню уехал – как в монастырь ушел. От людей... А во всей деревне – три семьи стариков... И он с ними...

– А ты что к нему? – спросил я с усмешкой, потому что таких странностей людских понять не мог, и они мне были не интересны. Мне было интересно закончить училище с отличием, мне было интересно стать лучшим офицером в части, где мне предстоит служить – в этом я смысл жизни видел...

– Обещал... Он от нечего делать позвонил как-то, поговорили, я обещал заехать... Договорились о дне... Раз обещал, надо ехать...

Отец у меня такой. Обещал – сделает. Даже если это против его интересов.

Ехали мы, ориентируясь по карте области. Там только проезжие дороги отмечены, да и то не все. Наша «Тойота Королла» с трудом перебиралась с кочки на кочку и в выбоинах стучалась защитой картера. И это называлось проезжими дорогами!.. Навстречу нам попадались только груженные лесовозы. И каждому дороге уступай – любят они посередине ездить... До деревни добирались, можно сказать, ползком, частенько по обочине...

Отец с товарищем что-то обсуждали, кого-то вспоминали, потом сидели за столом... Я не пил, потому что в обратную дорогу мне надо было садиться за руль. Отец все никак не мог понять, почему его товарищ «убежал от цивилизации», и спрашивал об этом снова и снова. Тот сначала просто отмахивался, потом все же не выдержал.

– Да у меня впечатление такое, что я только сейчас жить начал... Я не понимаю, для чего я раньше жил, чего добиться хотел, перед кем старался себя показать!.. Я здесь выхожу за ворота, глаза открою, рот открою, уши открою, и дышу всем этим... И глазами, и ртом, и ушами дышу, всей кожей дышу... Это все, что нужно человеку... И не перед кем мне изображать то доброго, то злого человека, то хитрого, то честного... Это не объяснить... К этому самому прийти нужно... Я удовольствие получаю оттого, что мне нужно дров наколоть, за

водой сходить... Я колуном взмахиваю – и радуюсь. Я ведро беру в руки – и радуюсь... И все вы теперь, там оставшиеся, мне странными кажутся... Я не понимаю вас, и жалею...

Тогда ни я, ни отец не поняли сказанного, не поняли, в чем счастье этого человека. Но слова его запали в память и время от времени всплывали вместе с вопросами, ко мне относящимися – а зачем мне все это надо?...

Потом, уже перед самым сном, мысль по-новому выстроилась – а мне нужно быть героем? Зачем?...

* * *

Утром все эти дурацкие раздумья забылись. Я встал рано и успел даже за майором Бобрыниным забежать. Правда, до квартиры не добрался – в подъезде его встретил, на лестнице.

– Не терпится? – Бобрынин, казалось, мои мысли прочитал.

– Не терпится, товарищ майор... – сознался я чистосердечно.

– Нас когда в Афган привезли, мы два месяца обустроивались... Помню, как я первого боя ждал... Тоже не терпелось...

В учебном классе, когда мы со старшим прапорщиком Луценко поочередно занимались, майор Бобрынин изучал какие-то документы. Когда я подошел, майор демонстративно папку закрыл, показывая, что не все документы предназначены для общего пользования, и у некоторых имеется порой гриф секретности.

Когда подошла очередь майора садиться за ноутбук, он папку положил на стол перед собой, чтобы постоянно была перед глазами. К документам он серьезно относился...

ГЛАВА 2

1. ПОДПОЛКОВНИК АЛЕКСАНДР РАЗИН, СПЕЦНАЗ ГРУ

Уже вечерело, и, как всегда бывает в горных районах, темнота подступала стремительно, подобно лавине, сходящей с горы. Пришлось включить на бинокле прибор ночного видения. Благо, только накануне сменил аккумулятор. Бинокль у меня хороший, американский. Я его, вместе с зарядным устройством и запасными аккумуляторами, реквизировал еще в прошлом году, когда частично задержали, частично уничтожили группу хорошо экипированных боевиков, перешедших грузинскую границу. Грузин глупые американцы вооружают, в том числе, и биноклями, а умные грузины продают оружие и снаряжение тому, кто больше заплатит. Чечены хорошо заплатили, их и вооружили. Я в тот раз впервые столкнулся с тем, что у четверых боевиков вместо привычных «калашей» были американские М-16. И больше ни разу не видел. Должно быть, какая-то партия ушла в Россию на испытания, но боевики тоже люди опытные, и соображают, что к чему. Против простого «калаша» ни одна американская автоматическая винтовка не тянет... Потому их в массовом порядке у грузин покупать и не стали. Мне наши старшие офицеры, кто еще Вьетнам застал, рассказывали, что американцы во Вьетнаме предпочитали «калашами» воевать, благо патроны от М-16 подходили к тогдашним АК-47. И, чтобы не допустить идентификации и возможности использования автоматов противником, наши были вынуждены изменить конфигурацию ствола и соответственно патронов. Это где-то в середине шестидесятых было... Нынешняя М-16 мало не намного лучше стала, разве что коллиматорный прицел ⁵ приобрела... Но этот прицел можно, кстати, и на «калаш» поставить, и, думаю, конструкторы наши это учтут. Это ведь и на конкурентоспособность отразится...

Бинокли вот американцы делать умеют, с нашими не сравнить. Мне, по крайней мере, достался отличный экземпляр. Не только с ПНВ, но еще и с дальномером. Снайперам бы такие бинокли, а то им приходится отдельно биноклем пользоваться, отдельно дальномером.

Размышляя об этом, я как раз держал бинокль и внимательно рассматривал, – что там за странная машина пришла в село, и стала под разгрузку в интересующем нас дворе. «Уазик» с кузовом. Из кузова что-то выгружали... Со стороны посмотреть, дрова какие-то привезли, что ли... Только дрова не упаковывают в целлофан... Вернее, в целлофан было упаковано то, что среди дров спрятали... И мне очень хотелось бы узнать, что это такое... Вообще, мне хотелось бы узнать многое, только вот кому-то не хочется, чтобы я это узнавал. Я так и не понял толком, почему нам категорически запретили разобраться с ситуацией в этом селе. Там определенно что-то происходит: приезжают закрытые машины, уезжают закрытые машины, прибывают небольшие группы людей, потом покидают село – через неделю, через десять дней... А мы имеем право только наблюдать, ничего не предпринимая... Не нравится мне такая работа...

Или наше командование боится побеспокоить Ачемеза Астамирова, который может пожаловаться своему родственнику и другу Рамазану Кадырову? Да пусть жалуется... Мы свое дело делать все равно должны, даже если все местные правительственные органы вопить на нас начнут и ядовитой слюной брызгать. И если даже нет там никакой школы диверсантов и террористов, как мы сразу предположили, проверку мы провести все равно обязаны. И я уже не один раз пожалел, что поторопился доложить командованию о своих подозрениях. Но доложить я был вынужден, потому что нас уже готовили к «выводу». В итоге нам разрешили провести

⁵ Коллиматорный прицел – совмещает функции оптического и простого прицела. Как недостаток оптического прицела следует считать невозможность наблюдать за целью двумя глазами. Движущаяся цель легко пропадает из поля зрения самой лучшей оптики. Механический прицел не дает возможности рассмотреть дальнюю цель достаточно для прицеливания. Коллиматорный прицел позволяет при стрельбе использовать оба глаза.

дополнительную разведку, но, как добавили в срочном сообщении на следующее же утро, – вести ее необходимо исключительно в виде наблюдения, не вступая в несанкционированный контакт. А как это возможно, если мы уже подключили свою агентуру в селе? Уже дано задание и назначена встреча. И как быть, если человек собирает данные, рискует, вдвойне рискует, выходя в горы, чтобы встретиться с нами, а мы на встречу не приходим? Это значит – потерять агента... А как нелегко бывает здесь, среди горцев, завербовать кого-то... Каждая вербовка – это тщательно продуманная, выверенная до мелочей операция. Завербовать можно лишь человека, которому есть что скрывать от односельчан или же от близких людей. Порой приходится создавать такие обстоятельства, что сам потом удивляешься изворотливости и изощренности своего ума. И всегда отношения с такими людьми висят на волоске, приходится быть и осторожным, изворотливым лисом, и ловким, порой двуличным дипломатом, и угрозой действовать, и лестью, и шантажом... И вдруг такой нелепый приказ, после которого мы рискуем агента потерять... Чем, каким местом там, в РОШе ⁶, думают?...

Я присматривался ко двору долго. И те, кто там грузом занимался, словно бы специально для меня спектакль устраивали. Сначала они слишком долго сустились вокруг носилок. Потом один подошел к ним вплотную, над грузом склонился, стал рассматривать. Отошел поспешно. Что-то другим, кажется, сказал. Что именно – не понять: тепловизор прибора ночного видения плохо передает изображение. А чтобы понимать мимику и язык жестов, следует каждый день за людьми наблюдать. А это не всегда удается.

Но, судя по всему, разговор шел о том, как переносить груз. Внешне груз на носилках выглядел не слишком тяжелым. Но нести его желающих почему-то не находилось. И вообще близко никто старался не подходить, хотя сначала, когда машину разгружали, такого поведения не было. Затем во двор еще один человек вышел. Что-то объяснил. И, наконец, после долгих препирательств, двое все-таки взялись за ручки носилок. Понесли груз, но не в дом, а в сарай. Закрывая его, долго возились с замком.

У меня сразу возник вопрос. Агент из местных сообщил, что в доме содержится пленный старший лейтенант ВДВ, о чем мы сразу и доложили в РОШ. Если груз ядовитый, то носить такой груз, естественно, заставят пленного. Но пленного пока увидеть не удалось. Днем я заметил какого-то человека явно европейской внешности, но за пленного его никто бы не принял, слишком уж свободно он себя вел, даже распоряжения какие-то отдавал...

– Командир... Они идут... Ваха впереди, старик за ним хромает... – сообщил по «подснежнику» ⁷ мой заместитель майор Паутов.

Ваха – наш осведомитель. Мы его на большом «крючке» держим. Если наша информация о нем станет известна односельчанам, его просто камнями забьют... Потому работает он на нас активно – боится за себя. Да и сволочь он, конечно, первостатейная, я бы сам его расстрелял... Впрочем, время придет – расстреляю...

– Снайперы! – проверил я готовность страховки.

– Я – «Спартак», страхую... – отозвался старший лейтенант Парамонов.

– Я – «Сокол», на месте... – подтвердил готовность лейтенант Сокольников.

– Паша, перейди выше... – подсказал Парамонов собрату по ремеслу. – Здесь камни большие. Можешь потерять обзор.

– Я уже перешел... Пять минут назад...

– «Кречет»!.. Пошел... – скомандовал я Паутову, и сам перевел бинокль на тропу, куда вот-вот должен был выйти майор, чтобы встретиться с осведомителем и с человеком, которого осведомитель обещал привести.

⁶ РОШ – региональный оперативный штаб по проведению антитеррористической операции на Северном Кавказе.

⁷ «Подснежник» – миниатюрная коротковолновая радиостанция ограниченного радиуса действия. Состоит из самой радиостанции, помещающейся в нагрудный карман, наушника, спрятанного в ухо, и миниатюрного микрофона.

Самих чеченцев мне пока видно не было, но когда Паутов снова попал в поле зрения и по его поведению я понял, что они уже приближаются, я пододвинул к себе ближе автомат. И бинокль сразу перевел в сторону от тропы. Моя задача не за встречей смотреть. Встречу есть кому контролировать – четверо бойцов засели по обе стороны тропы. Я, как и снайперы, должен пользоваться возможностью видеть в темноте и сверху контролировать окружающую местность, чтобы заметить приближение возможного противника. Ночью благодаря тепловизору это сделать даже легче, чем днем, когда полагаешься только на свои глаза...

* * *

По одностороннему разговору можно что-то понять, хотя во многом лишь частично. «Подснежник» же имеет слишком слабый микрофон – разобрать, что говорят на встрече чеченцы, было трудно. Отдаленный шум эхом прогуливается, и все... Этот микрофон вообще стоит чуть-чуть сдвинуть, и тебя самого уже слышно не будет. Потому и приходится его постоянно поправлять, чтобы он был возле уголка рта. А когда его поправляешь, он издает в эфире хрустящие звуки. Не слишком приятные для ушей... Паутов несколько раз поправлял. Надеюсь, наверное, что мы сможем все-таки чеченцев услышать. Но это не помогло...

Встреча благополучно завершилась.

– Я иду... – сообщил майор.

– Понял... Сразу ко мне поднимайся... «Ростов», «Ясень»... – окликнул я капитана Ростовцева и лейтенанта Сосненко, занявших места в конце тропы по обе стороны от нее. – Подстрахуйте агентуру... До огородов проводите, дальше не соваться... Собак поберегитесь...

– Понял, товарищ подполковник... – отозвался лейтенант. – Собак я ужас как боюсь...

– У меня здесь место почти непроходимое... – пожаловался капитан.

– Выйди на тропу им за спины... – разрешил я.

– А там собак нет? – капитан позволил себе быть ехидным.

Я промолчал.

Наличие собак в горном селе – это откровенный и красноречивый признак местного благополучия. Собаки здесь не простые. Не поймешь, то ли это кавказские овчарки такой странной светлой и пятнистой масти, то ли алабай⁸ с хвостами, которые хозяева не стали купировать. Но в любом случае содержание такой собаки – дорогое удовольствие. И позволить себе держать во дворе грозного охранника могут, конечно, не все. А если могут, значит, живут лучше, чем соседи. Это село наполовину состоит из представителей тейпа⁹, к которому принадлежит Ачемез Астамиров. А сам Ачемез – один из самых богатых и влиятельных людей в республике. И он свой тейп финансово поддерживает. Потому и собаки во дворах. Потому и подобраться к селу незамеченным трудно.

– Командир, куда спрятался? – спросил Паутов, поднявшись на склон.

Я встал из-за кустов.

– Докладывай!

Паутов смотрит мрачно, и вид у него из-за этого довольно пугающий. Впрочем, он такой от рождения. Но человек он не злой. Однако сейчас заметна его озабоченность.

Майор присел на камень, к другому прислонил автомат. Ладонями потер лицо. Докладывать не спешил, из чего не сложно было сделать вывод, что есть информация для размышления.

– Что там?

⁸ Алабай – один из подвидов среднеазиатской овчарки, самый крупный, иногда называется туркменским волкодавом. Одна из самых древних пород в мире. По оценкам разных специалистов породе от трех до шести тысяч лет.

⁹ Тейп – родоплеменное образование у народов Северного Кавказа.

– Человек этот – не то чтобы «кровник» Астамирова, но очень его не любит, и всегда готов сделать и самому Астамирову, и всей его родне гадость. Зовут его Тухчар, но мне показалось, что это кличка, а не имя... Характер у него горячий... Начинает говорить спокойно, потом заводится, матерится через слово... Удержаться не может... Верить ему, мне кажется, можно. Но только процентов на семьдесят...

– Им всем больше, чем на пятьдесят, верить нельзя... – возразил я.

– Тут дело в другом... Если бы он хотел обмануть, он сказал бы, что в доме Астамирова содержится пленник... – Паутов говорил так, словно хотел меня в чем-то убедить. – Так он сразу натравливал бы волкодавов на волков... Он же говорит, что старший лейтенант десантных войск – его в селе Искандером¹⁰ зовут – дезертир... Откуда-то из Дагестана...

– В Дагестане стоят десантники... – согласился я. – Надо запросить РОШ по факту пропажи старшего лейтенанта. Это может быть правдой. Но... Если бы во время боевых действий... Я бы еще поверил в дезертирство... Разные люди бывают... Но в мирной или, точнее, почти в мирной обстановке... Какой смысл может быть в дезертирстве?

– Не знаю... Здесь есть, над чем голову поломать... Или шею... Этому старлею... Еще вот что... Этот чечен, Тухчар, говорит, что старлей обучает каких-то людей...

– Это нам и Ваха говорил.

– Я почему Тухчару верю больше, чем Хамзату... Ваха сразу заявил, что это школа террористов. Тухчар, хотя откровенно зовет себя врагом Астамирова, более сдержан в оценке... Он уверяет, что во двор к Астамирову приезжают в основном «кадыровцы», друзья самого Ачемеца... И потому нам спешить не следует...

– Надо все узнать про этого Тухчара. Ваха когда снова появится?

– Завтра, в это же время...

– Порасспроси подробно... «Радуга», ты где?

– Метров на двадцать выше вас, товарищ подполковник, – отозвался лейтенант Юра Стогов, радист нашей ОМОГ¹¹.

– Сколько до сеанса осталось?

– Сорок семь минут...

– Всем внимание. Отходим выше... Провожатые, на тропе все в порядке?

– Здесь баран чей-то гуляет...

– Какой баран? – не понял я.

– Нормальный... Вкусный, если хорошо приготовить...

– Понятно... Осторожнее, барана искать могут... Отходим... «Багира» остается в наблюдении... – отдал я распоряжение капитану Юрлову. – Через два часа тебя сменит «Бакенщик»... – сразу подготовил для дальнейшего действия и капитана Решетникова.

Группа у нас сработанная, дружная. И напоминать не придется, чтобы сменился наблюдатель на посту, – сами сменяются. Если будет что доложить – доложат, если будет необходимость в принятии оперативного решения – и решение примут...

* * *

– Я – «Радуга», я – «Радуга»... Вызываю «корреспондента 197»... Я – «Радуга», вызываю «корреспондента 197»... – лейтенант Стогов уже устал говорить в микрофон. – Перебросьте антенну вертикально по склону...

¹⁰ Искандер – мусульманское произношение имени Александр.

¹¹ ОМОГ – отдельная мобильная офицерская группа.

Связь долго не удавалось установить. Горы здесь нехорошие, со всех сторон обкладывают и экранируют. Пришлось дополнительную антенну растянуть, но все равно старенькая «Северок-М» никак не могла связаться с разведуправлением штаба.

– В телеграфном попробуй... – подсказал радисту майор Паутов.

– Только и осталось... – вздохнул Стогов и защелкал тумблерами.

«Северок-М» – универсальная рация. Позволяет и в телефонном, и в телеграфном режиме работать. Но стучать ключом ни один радист не любит, особенно если есть возможность обходиться наушниками и микрофоном. К тому же, с ними я и сам могу напрямую с начальством общаться. Без них – приходится диктовать текст с ходу. Но в телеграфном режиме можно работать на другой волне, а значит, есть шанс пробиться через помехи. Стогов перестроился, и быстро нашел в эфире узел связи разведуправления РОШа.

– Есть связь... – доложил лейтенант, не отрываясь от ключа. – Запрашивают, какие мероприятия проводим...

– Ответь, что ведем наблюдение и продолжаем контакты с осведомителем из числа местного населения... – Я дождался, когда лейтенант закончит передачу, и продолжил. – Запроси данные из картотеки на человека по кличке или по имени Тухчар... – Снова пауза. – Тухчар... Доложи, что сегодня в интересующий нас двор был доставлен какой-то опасный груз, к которому долго никто не желал прикасаться. Имеем подозрения, что груз особой токсичности и может представлять опасность для окружающих...

Стогов работал быстро и с ходу читал ответы командования:

– Требуют соблюдения крайней осторожности. Завтра в район вылетает группа спецназа ВДВ во главе с майором Бобрыниным. Эта группа будет работать непосредственно по пленному старшему лейтенанту – самостоятельно. Приказ: оказывать группе Бобрынина всемерное содействие... Продолжать наблюдение... Ответ на запрос нам дадут, предположительно во время утреннего сеанса... Во время утреннего сеанса дать координаты посадочной площадки для вертолета группы ВДВ. Вопросы будут?

– Количественный состав десантников...

– Три человека... Еще вопросы...

– Когда прибудут?

– Если погода позволит, завтра к обеду... Еще вопросы...

– Конец связи...

Стогов отстучал условную фразу...

Совсем уж непонятная ситуация. Нам работать по пленному не разрешили. Но запускают группу спецназа ВДВ – всего троих... Это совсем не в стиле десантуры... Десантура любит атаку и много огня, в отличие от спецназа ГРУ. Трое спецназовцев из военной разведки – это было бы нормально... Но на месте девять спецназовцев военной разведки... И посылают еще трех спецназовцев из десантуры... Может быть, потому, что пленный тоже из десантуры? Ладно, прилетят, разберемся...

– Карту разворачивай, – сказал я Паутову, а сам приготовил фонарик. – Где будем вертолет сажать? Чтобы наблюдение не прекращать, и посадку чеченам не выдать...

– Только по ту сторону хребта... Я пару человек возьму, два часа поспим, потом двинем, к утру будем на месте... – майор ткнул пальцем в карту. – Здесь, помнится, под седловиной плато есть... Высоковато для вертолета, но с неполной нагрузкой поднимется...

– Действуй...

– «Волга», я «Багира»... – с наблюдательной площадки доложил капитан Юрлов.

– Что у тебя?

– Они посты вокруг двора выставили... И во дворе часовой... Вчера еще не было...

– Понял... Продолжай наблюдение...

Чечены выставили посты... Этого следовало ожидать... Значит, груз, что сегодня доставили, действительно ценный... Или... Или настолько опасный, что к нему нельзя подпускать случайных людей...

2. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ВДВ АЛЕКСАНДР БОБРЫНИН

Пожаловаться совершенно некому... Может быть, пожаловался, и легче бы стало, а нет... А ведь иногда даже сильному мужчине это бывает необходимо... Вот что значит оказаться среди чуждых тебе людей, среди отношений, которые тебе непонятны...

Кто бы знал, как я чертовски устал... Я устал так, как не уставал никогда в жизни, сколько помню себя... Такое впечатление, что и тело мое уже не моим стало, шевелиться не хочется, и в голове какая-то беспокойная мешанина из мыслей живет, словно и не в моем прежнем сознании, которое некогда было ясным и спокойным. Иногда мне похромать хочется – то на одну ногу, то на другую, да так, чтобы конечности демонстративно приволакивать, иногда хочется взяться за спину, и сказать, что разогнуться не могу... И сделал бы так, хорошо понимая, что это капризность характера, которой я раньше за собой не замечал, сделал бы... Только вот перед Мадиной стыдно...

Она в меня верит, она на меня, как на героя смотрит, хотя герой в ее представлении, это антигерой в моем. И еще – неприятно ее обманывать. Как раз потому, что у нас разные представления о героизме. Сволочью себя чувствую, а обманывать продолжаю. Не во всем, конечно... Наши с Мадиной отношения остаются нашими отношениями, и в них я и перед ней, и перед собой честен, хотя предвижу, что кончатся они плохо для нас обоих... Они просто не могут хорошо кончиться, потому что мы с ней видим друг друга по-разному... Я для нее существую только тогда, когда я перестаю существовать для себя. Для меня она, конечно же, продолжала бы существовать и потом, когда все это завершится, но Мадина тогда уже не будет воспринимать меня так, как воспринимает сейчас. Она любит меня, по-настоящему любит, я это вижу и чувствую, но любит она меня не настоящего, а такого, каким хотела бы видеть и каким я умышленно хочу представляться ей и другим...

* * *

Мы с ней случайно познакомились... Увидел на улице, как хорошенькая девушка тащит тяжеленную сумку. Пот вытирает, бледнеет, и тащит... Как не помочь... Помог, разговорились... Меня смешил в первое время ее акцент. Плохо она по-русски говорила. Потом оказалось, что она и писать по-русски не умеет. Я даже не представлял, что в современной России такое возможно. Потом уже узнал, что она не дагестанка, а чеченка, из чеченского горного села. А с приходом к власти Дудаева там выросло целое поколение молодежи, русского языка не знающее. Мадина еще хоть как-то знала, хотя писать не умела. Дудаевские власти считали, что чеченской женщине не подобает быть грамотной...

Было жалко ее, такую красивую, такую наивную... Сначала было просто жалко, и все... Мы встречались несколько раз. Почему молодому холостому офицеру нельзя встречаться с чеченкой? Кто может запретить?

Запретить не могли, но встречами заинтересовались...

* * *

Началось все буднично...

Я занимался самым нудным на свете делом – разрабатывал новую «методичку» для занятий в ротях. Моя работа в службе радиохимической защиты сводилась не только к проведению

собственно занятий и тренировок, но и к многочисленным отчетам, писать которые должен был вообще-то подполковник Санников, мой начальник службы. Но писать он не любил, и потому полностью передоверил это дело мне. А что такое отчеты? Отчеты, по большому счету, это предоставление в верхние инстанции методик, согласно которым занятия проводятся. Вот подполковник и засаживал меня регулярно за написание «методичек». Санников вообще нашел, что я делаю это «почти, как писатель», и сам «методички» даже не читал...

Как раз во время такого нудного занятия ко мне в тесный кабинет заглянул заместитель командира дивизии по воспитательной работе полковник Бутырский. Почти по-свойски почему-то заглянул, хотя раньше я не был избалован вниманием командования.

Я, естественно, встал при его появлении. Полковник рукой махнул, пресекая попытку доклада. Но рассматривал меня при этом внимательно. Так внимательно, что я не мог не обратиться на это внимание, и невольно сам себя оглядел, желая узнать, все ли у меня в порядке с формой...

Полковник усмехнулся.

– Ты, старший лейтенант, подполковника Магометова знаешь?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Ладно... Главное, что он тебя знает... Это из местного управления ФСБ, старший опер... Он очень желает с тобой пообщаться...

Я даже плечами пожал, потому что не понимал, какая причина у опера из ФСБ напрашиваться на тесное знакомство со мной.

– По какому поводу?

– Он мне не сообщает, какие у него поводы... Запросил на тебя данные для привлечения к оперативной работе... К своей работе... Я подготовил, командир подписал... Сегодня Магометов придет к тебе побеседовать... Осторожнее... с ним будь... О делах в дивизии, если спрашивать будет, так и заявляй, что имеешь приказ не разговаривать... Если что-то постороннее, мы с командиром возражений не имеем... Сотрудничай, на здоровье...

Но прозвучало это явно неодобрительно. Настолько неодобрительно, что я тут же рассудил так, как должен был рассудить офицер воздушно-десантной дивизии, которому и в своей собственной службе забот хватает. Одну «методичку» написать так, чтобы она не походила на предыдущую – талантище громадный иметь надо. И время. Некогда отвлекаться на посторонние вещи...

– Я вообще-то, товарищ полковник, не по тому профилю специализируюсь...

– Ладно-ладно, просто – осторожнее с ним будь...

Полковник ушел, оставив меня, озадаченного, в состоянии, в котором писать дальше «методичку» было уже невозможно... В это время, надо сказать, довольно кстати, заглянул подполковник Санников. Немного прояснил ситуацию.

– Я сам с Магометовым общался... Еще три месяца назад. Тогда к моей персоне местные стали интерес проявлять... В друзья набивались, причем с откровенным интересом... Я рапорт написал, их тогда допросили, и все... Дело на этом заглохло... Магометов как раз их и допрашивал... Думаю, сейчас к тебе интерес...

– Я пока такого интереса не замечал, товарищ подполковник...

– Значит, ФСБ заметила... – Санников лениво потянулся и отправился на обед.

* * *

Подполковник Магометов пришел сразу после обеда. Я еще сейф открыть не успел, только ключ в замочную скважину вставил, как он появился.

– Добрый день... Вы – Бобрынин?

– Старший лейтенант Бобрынин... – я встал.

– Я подполковник Магометов. Вас должен был предупредить о моем визите полковник Бутырский. Он предупредил?

– Так точно, товарищ подполковник...

– Присесть разрешите? – Магометов улыбнулся. Он вообще выглядел приветливо и дружелюбно. – А то беседа нам с вами предстоит не из самых коротких...

Он положил на стол папочку, пододвинул стул не дожидаясь моего разрешения, сел на него верхом, и покачал пальцем инвентарный номер – металлическую бляшку с выбитыми цифрами. Один гвоздик выпал, и номер болтался на оставшемся гвозде. Бляшка была прибита к спинке стула, и чем-то Магометова сильно заинтересовала.

– Брат не пишет? – подполковник сразу дал понять, что знает обо мне если не все, то много. Я не слишком часто общался с правоохранительными органами и силовыми структурами, но почему-то догадывался, что операм и следователям всегда выгодно показать, что они знают о тебе больше, чем на самом деле. Это им своеобразный ореол создает, что на людей недалеких действует безотказно.

– Пишет...

– Тяжело им там... Албанцы в Приштине русских к сербам приравнивают... Оттого и отношение... Скоро возвращается? – подполковник даже посочувствовать сумел. Обычно такое сочувствие вызывает у людей благодарность.

– Пишет, что скоро... Кажется, три месяца ему осталось... – я отвечал оперу просто, но в его объятия не бросался.

– А вы ему про Мадину писали?

У меня глаза, наверное, округлились. Вот уж никак не думал, что ФСБ устраивает за мной слежку на таком личном уровне. Главное, я смысла в такой слежке не видел...

– Ну-ну... Все мы были молодыми, все влюблялись... Но я не буду с вами обсуждать эти отношения. Я о другом поговорить хочу. Правда отношений с Мадриной придется все же коснуться... Так что будьте к этому готовы, чтобы потом не удивляться...

Подполковник встал, поставил стул как положено, и сел теперь уже нормально, и даже ногу на ногу закинул, показывая, что он расслаблен, а следовательно, и мне можно расслабиться. То есть не стоит ждать от него пакостей. Но пакостей всегда ждешь, когда тебе сообщают, что тобой опер ФСБ интересуется. Я начал мысленно готовиться...

– Я слушаю вас, товарищ подполковник.

– К вашей персоне, старший лейтенант, проявляют интерес определенные круги чеченцев...

– Это связано с Мадриной?

– В некоторой степени... Но Мадрина появилась параллельно... Однако может стать инструментом в руках тех, кто вами интересуется. Но я начну не с нее... Дело в том, что три месяца назад такой же интерес был к вашему начальнику – подполковнику Санникову. Он быстро все это раскусил, подключил нас, и мы интерес пресекли. Сейчас такой интерес имеется в отношении вашей персоны. И это дает нам повод предполагать, что чеченцам требуется специалист вашего профиля. Не получилось с подполковником Санниковым, они за вас принялись...

– Радиохимическая защита?

– Дублирование их целенаправленного поиска дает нам право так думать...

– Но это же смешно... – в действительности это вовсе не показалось мне смешным. – Какой им смысл интересоваться мной? Надеются достать через меня костюмы противохимической защиты? Или партию противогазов? Больше мне порадовать их нечем.

– Я думаю, что такие костюмы чеченцам проще купить в магазине. В рыболовных и охотничьих отделах их продают свободно, только под другими названиями... Тем не менее, специа-

лист вашего профиля им нужен, и они ищут его очень активно. Даже наводили о вас справки... Именно поэтому мы и сумели заметить их интерес.

– Честно говоря, мне вообще странно слышать, что боевики действуют так открыто... – я высказал упрек в отношении спецслужб. Подполковник это понял, и даже усмехнулся.

– Дело в том, что это не боевики... По крайней мере, в настоящее время не боевики... Раньше они были боевиками, теперь сложили оружие... То, которое было у них в лесах и в горах. Но получили взамен другое... Имя Ачемеца Завгатовича Астамирова вам ничего не говорит?

– Имя ничего не говорит... Только фамилия... Мадина Астамирова...

– Вот-вот... Она дальняя родственница Ачемеца Завгатовича. Он же, в свою очередь, дальний родственник и близкий друг премьер-министра Чечни, работает в силовых структурах республики. Нам, правда, так и не удалось выяснить, какой пост он занимает конкретно и чем занимается. Хотя, отслеживая издавна его деятельность, мы предположили, что он занимается добыванием денег для республики и для себя, используя при этом свои связи и официальный статус...

– Бизнесмен...

– Да, приблизительно так можно его назвать... «Бизнесспецслужба»...

– Но я и бизнесом не занимаюсь... – возразил я. – И не могу даже представить, зачем я понадобился чеченам... Подскажите уж сразу...

– Я бы к вам не пришел, если бы мог подсказать, – ответил подполковник откровенно.

Потом взял со стола свою папочку, раскрыл ее и выложил передо мной какой-то бланк.

– Прочитайте, пожалуйста...

Я прочитал. Это было обязательство не разглашать предмет разговора, состоявшегося между мной и подполковником ФСБ Магометовым А.А.

– Прочитал...

– Теперь подпишите... А потом будем разговаривать конкретно...

Я не увидел в этом ничего страшного и подписал без сомнений.

– Слушаю вас внимательно, товарищ подполковник...

– Хотел бы я вас послушать, товарищ старший лейтенант... – сказал Магометов в ответ.

– То есть... – не понял я.

– Хотел бы я вас послушать, но только чуть-чуть позже... Хотел бы я знать, что нужно чеченам... И надеюсь узнать это с вашей помощью...

– Каким образом?

– Мы предполагаем, что чечены захотят установить с вами более тесную связь, и предлагаем вам пойти на контакт, чтобы выяснить, что им нужно. То есть в данном конкретном случае вы переходите, если мы достигнем соглашения, грубо говоря, в статус разведчика-нелегала...

Для меня такое предложение было полной неожиданностью, хотя ничего особенного я в нем не увидел. Десантник всегда сродни военному разведчику, и часто выполняет разведывательные функции. Хотя военная разведка и нелегальная – вещи разные.

– Я против ничего не имею, товарищ подполковник... Только мне предварительно хотелось бы знать, как примерно это будет выглядеть...

– Выглядеть будет, я полагаю, так... Мы уже достигли договоренности с командиром вашей дивизии о вашем участии в нашей операции. Говорили без подробностей, поскольку никто ничего знать не должен. Даже ваше командование. Но командир бригады согласился дать вам возможность действовать согласно нашим разработкам. А все наши разработки пока держатся на одном... На том, что Мадина Астамирова случайно оказалась вашей знакомой...

– Мадина... – хотел было я задать вопрос.

– Нет-нет... – перебил меня подполковник. – Ваше знакомство было чистой случайностью. Но чечены решили этой случайностью воспользоваться, и сейчас оказывают давление на

Мадину. Пока ее просто принуждают установить с вами более тесную связь. Она, насколько нам известно, не сильно упирается, хотя первоначально боялась, что ее за эту связь будут преследовать. Сейчас, как нам сообщает наш осведомитель, она боится за вас, боится, что ее попытаются использовать, как приманку, чтобы вас погубить... Ее уверяют в обратном... Но она пока еще сомневается... В ближайшие дни должен приехать в город сам Ачемез Завгатович Астамиров. Он в родном селе пользуется полным авторитетом... По крайней мере, у большей его части. Думаю, Мадине будет достаточно слова Ачемеза. Вот тогда и будет предпринята попытка вашей вербовки... И вы должны позволить себя завербовать... Может быть, не сразу, может быть, после некоторых раздумий, но позволить... И выяснить, чем вызван интерес чеченцев к офицеру вашего служебного профиля... Вы должны понимать, что радиохимическая защита может понадобиться только в определенных условиях... Что это за условия – главный для нас вопрос...

– Мне кажется, я не имею ничего против, товарищ подполковник... – я увидел в этом деле даже некоторую романтику. Тем более и Мадина будет рядом. Почему же я должен отказываться. Кроме того, я все-таки офицер, и, как офицер, понимаю, что если чечены интересуются вопросами противохимической защиты, то у них есть для того основания.

– Значит, договорились... Только сразу предупреждаю – никаких самостоятельных решений... Все только после согласования с нами... И – без согласования с вашим командованием... С вашим командованием решать все вопросы будем только мы...

– А если меня все же будут расспрашивать? – поинтересовался я.

– Сошлитесь на то, что вы в настоящее время участвуете в операции Антитеррористического комитета России. Это всех любопытных остановит... Можете так сказать... Но только командованию. Больше никому...

* * *

Вот так все и началось... А вскоре я почувствовал, что в поведении Мадины произошли какие-то изменения... Я специально присматривался к ней, голос не просто слушал, но старался интонацию уловить... И уловил... Это не была интонация обмана, это была интонация жалости, и желания помочь мне, хотя уверенности в возможности помочь у нее не было...

А еще через несколько дней она сказала:

– Ко мне брат приезжает... Ему уже рассказали про тебя... Он познакомиться хочет...

ГЛАВА 3

1. МАЙОР ВИКТОР БОБРЫНИН, СПЕЦНАЗ ВДВ

Подготовка завершалась, и мы уже вполне сносно научились управлять «глазом» спутникового объектива, а также почти освоились с программным обеспечением. У меня результаты были гораздо хуже, чем у лейтенанта Димки и старшего прапорщика Луценко. В последний день занятий мы работали уже с селом, где, как предполагалось, содержится в плену мой брат. К сожалению, над селом стояла плотная облачность, и изображение мы получали только в инфракрасном режиме. Мы не знали, где искать Сашу, и «перебирались» из двора во двор, наблюдая за происходящим. Видели людей, видели машину, которую эти люди разгружали. Даже собак видели...

Карту села в разных ракурсах и с различным увеличением мы сохранили на жестком диске ноутбука. Чтобы можно было при необходимости что-то посмотреть. И снова тренировались...

Но у меня работа не пошла... Она не пошла еще с предыдущего вечера, когда я закончил читать документы и начал обдумывать прочитанное. И если лейтенант Димка и старший прапорщик Луценко спокойно «перелезали» через каменный забор, то я сразу «убегал» на горный склон, где, собственно, и рассматривать-то было нечего. Руки не слушались. Подполковник Турбин недоумевал, потому что после первого дня занятий надеялся уже, что сможет сделать из меня высококлассного специалиста. Сам так сказал... И только я один понимал, в чем дело...

Мысли были другим заняты...

В момент, когда требовалось предельно сконцентрироваться на одновременном действии двух рук, управляющих парными ММК-джойстиком, я думал совершенно о другом, и не думать об этом не мог... Выше моих сил было не думать об этом...

После ознакомления с документами, что мне предоставили, настроение подняться не могло.

По официальной версии ФСБ республики, старший лейтенант Бобрынин имел какие-то контакты с подполковником ФСБ Магометовым и двумя офицерами его отдела. Предполагается, что Магометов в чем-то подозревал Бобрынина, хотя допрашивал не официально. Возможно, речь заходила о Мадине Астамировой, подружке Саши, и подполковник Магометов предупреждал старшего лейтенанта об опасности таких отношений. Потом события стали разворачиваться круто. Одновременно с исчезновением старшего лейтенанта были убиты оба офицера из отдела Магометова, а вечером того же дня вместе со всей семьей и сам подполковник Магометов. Как версия, рассматривался вариант, что к этому зверскому убийству причастен старший лейтенант Бобрынин. Эта версия отвергалась командованием дивизии. Другая версия – о возможности заедования подполковником Магометовым старшего лейтенанта Бобрынина в операции ФСБ – не находила документального подтверждения.

Но, помимо обвинений, была еще распечатка разговора, записанного на диктофон. Саша говорил с каким-то неизвестным человеком, называя его Мовсар. Если вдуматься, это была настоящая вербовка. Совершенно неприкрытая... Кассету от диктофона нашли в столе подполковника Магометова, и она считалась основной уликой. Я перечитал распечатку много раз, «вслушиваясь» в напечатанные слова, как вслушивался бы в произнесенные вслух. И не улавливал обычных интонаций Саши. Голос вроде бы его, но говорил как будто и не он...

Тем не менее, обвинение при наличии такой улики было уже серьезным...

И это все касалось моего брата...

Так ставить вопрос мог только человек, совершенно не знающий его. Скорее, меня можно было бы обвинить в этом с большим основанием, учитывая мой несдержанный нрав и склонность к нестандартным действиям. А Саша всегда был законопослушным и дисциплинированным. Он и родителей слушался, и меня, и учителей. И вообще любил, чтобы им командовали. Конечно, самостоятельным он тоже был, но вся его самостоятельность всегда укладывалась в социальные рамки. Наверное, в училище он даже в «самоволки» не ходил, как ходил любой другой курсант...

И такое обвинение...

* * *

В середине ночи нас отправили спецрейсом на Ханкалу, и уже из одного этого – когда ради трех членов оперативной группы и одного пленного десантника гоняют самолет! – я сделал вывод, что нашей операции придается огромное значение. Экипировка была обычная, базовая, если не считать дополнительного вооружения старшего прапорщика Луценко. Помимо штатного «винтореза» он вез с собой арбалет. Это не каприз любителя экзотики, а необходимость. Пуля «винтореза», если случается стрелять в собаку, пробивает тело животного даже по длине. А арбалетная стрела остается в теле и убивает быстрее. Луценко, имеющий на счету две командировки в Чечню, пояснил, что там, куда мы направляемся, это может пригодиться.

Лейтенанту Димке пришлось взять на себя заботу о ноутбуке со спутниковой связью. Аппаратура тонкая, требующая бережного отношения не только потому, что это дорогой предмет электроники, но еще и потому, что в ноутбук была заложена программа на взрывное самоуничтожение. Конечно, чтобы запустить программу, следовало выставить данные на таймере и активировать код. Тем не менее, со взрывными устройствами все мы так или иначе дело имели и знали, что взрыв может вызвать и непредвиденное механическое повреждение. Поэтому лейтенант прошел специальный инструктаж, при котором, как ответственные наблюдатели, присутствовали мы со старшим прапорщиком Луценко.

Я же, чтобы облегчить участь лейтенанта, взялся нести запас аккумуляторов для ноутбука – на три недели. Конечно, это больше, чем нужно, особенно, если за норму считать запас продуктов для нас. Но случиться может всякое: себе пропитание мы добудем, а вот питание для компьютера – это проблема. Тем более – в горах.

До Ханкалы долетели быстро. Там нас встретил уже знакомый полковник Разумов из «Альфы». Он прямо к трапу подъехал на старенькой побитой «Волге» боевого зеленого цвета – я впервые увидел «Волгу» такой масти. Наверное, это атрибут здешнего, не очень мирного времени. И сам Разумов теперь уже был в нормальном полковничьем мундире, а не в гражданской одежде, как в дивизионном городке. Но если в «гражданке» он больше походил на военного, то при мундире в полковнике отчетливо чувствовалась гражданская жилка. Наверное, сотрудники ФСБ так и не могут стать до конца военными людьми.

Последний инструктаж проводился здесь же, на летном поле, рядом с «Волгой», на капот которой лейтенант Димка поставил свой ранец с ноутбуком. Сопровождающий полковника капитан вручил каждому из нас по миниатюрной коротковолновой рации «подснежник». Я уже встречался с такими, Луценко с Димкой увидели эти простенькие «переговорки» впервые.

– В настоящее время за селом ведет наблюдение отдельная мобильная офицерская группа спецназа ГРУ под командованием подполковника Разина, – объяснил полковник Разумов. – Ваши «подснежники» уже настроены на ту же волну, что и группа Разина. С позывными определитесь на месте. Режим произвольный... У Разина позывной – «Волга». В распоряжение подполковника вы не поступаете, но, по возможности и по необходимости, координируйте действия. Можете даже действовать вместе, но аккуратно... Впрочем, Разина учить аккуратности

не надо... Точные координаты места высадки получите уже на подлете к району. Кажется, спецназовцы вам уже подобрали площадку. Но это знают вертолетчики... Ваш вертолет крайний... Вон тот... С Богом, ребята...

«С Богом» лететь, конечно, всегда легче и безопаснее... Впрочем, сейчас в Чечне уже не сбивают вертолеты. Тем не менее, командир выбрал такой маршрут, что нам в иллюминаторы ни одно село разглядеть не удалось. Даже отдельных строений не видели. Сначала леса и поля, потом горы... Правда, несколько раз на глаза попадались дороги, на которых, практически, не было движения.

Скоро вертолет стал набирать высоту и полетел впритирку к склону хребта. Такой рискованный полет продолжался довольно долго. И только когда второй пилот вышел к нам, знаком показывая необходимость готовиться к десантированию, мы заподозрили, что высаживаться придется прямо на склон. Для спецназа ГРУ такая высадка, может быть, и привычна. Нам же такая перспектива пришлась не по душе – при такой крутизне прыжок необходимо будет проводить с большой высоты, и вероятность сорваться была довольно велика. Но возражать здесь было некому, и потому я промолчал.

Второй пилот приготовился открывать люк. На часы посмотрел – еще пара минут полета...

– Высота... – перекричал он звук двигателя. – Еле забрались... Скажи спецназу, пусть больше так не дурит... В следующий раз не полетим... Здесь садиться нельзя... Не взлетишь потом... Винтам за воздух зацепиться не удастся. И так на предельных оборотах держимся...

Люк распахнулся. Перед нами было покрытое снегом плато, над которым, на высоте всего метра в полтора, летел вертолет. Здесь высаживаться было удобно. Мы пролетели до противоположного края плато, где нас встречали три человека в камуфляже. Вертолет сделал небольшой круг, завис, и через пару минут мы уже пожимали руки парням из военной разведки.

– Майор Паутов... – представился старший, непомерно широкоплечий и крепкий офицер с мрачным лицом. – Отдых, думаю, вам не нужен... Сразу двинем, чтобы засветло до места добраться... Дышать в высокогорье тяжело, поэтому в пути лучше не болтать...

Меня, признаться, смутило то, что идти придется по снегу.

– Следы нас не выдадут?

Паутов улыбнулся. Недоверие к его опыту – это следствие ревности одного офицера, представляющего молодой спецназ, к другому офицеру, представляющему спецназ знаменитый, и попытка первого самоутвердиться на ошибке второго. Неловко это у меня получилось, и я, сообразив это, попытался улыбнуться. Но у меня у самого, наверное, физиономия была не менее мрачной, чем у майора Паутова, и потому улыбка моя порадовать никого не смогла.

– Работаем по ту сторону хребта. В зеленой зоне... Там следов нет... Нынешняя зима нам помогает, как и боевикам, впрочем... – сказал Паутов, и, не дожидаясь моей реакции, первым двинулся по едва заметной тропе – спецназовцы проложили ее, на плато поднимаясь...

* * *

Я воевал в здешних местах в первую чеченскую... Вернее, не в здешних, даже далеко отсюда, если брать по меркам республики... Тогда, в декабре девяносто четвертого, мы даже на БМД¹²

¹² БМД – боевая машина десанта. Отличается от своей родственницы боевой машины пехоты (БМП) тем, что приспособлена для десантирования с воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.